

Питаваль Э.

НА ПУТИ К ПЛАХЕ

История в романах

История в романах

Эрнест Питайаль

На пути к плахе

«Алгоритм»

1910

УДК 82/89
ББК 84(4Гер)

Питаваль Э.

На пути к плахе / Э. Питаваль — «Алгоритм», 1910 — (История в романах)

ISBN 978-5-486-03008-6

Немецкий писатель Эрнест Питаваль (1829–1887) – ярчайший представитель историко-приключенческого жанра; известен как автор одной из самых интересных литературных версий трагической судьбы шотландской королевы Марии Стюарт. Несколько романов о ней, созданные Питавалем без малого полтора века назад, до сих пор читаются с неослабевающим интересом. Публикуемый в данном томе роман «На пути к плахе» переносит читателя в Европу XVI столетия, в то романтическое и жестокое время, когда Англию, Шотландию и Францию связывали и одновременно разъединяли борьба за власть, честолюбивые устремления царствующих особ и их фаворитов. В романе описывается последняя часть жизни шотландской королевы Марии Стюарт со времени ее вынужденного отказа от престола.

УДК 82/89
ББК 84(4Гер)

ISBN 978-5-486-03008-6

© Питаваль Э., 1910
© Алгоритм, 1910

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	16
Глава пятая	20
Глава шестая	26
Глава седьмая	29
Глава восьмая	35
Глава девятая	40
Глава десятая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эрнест Питаваль

На пути к плахе

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

* * *

Глава первая

Монаршее гостеприимство

I

Мы приступаем к одному из самых печальных эпизодов истории вообще, и в особенности – хроники царствующих особ и государей. Бесплезно прибавлять тут что-нибудь – сами факты слишком ясно говорят за себя.

Вся жизнь несчастной шотландской королевы Марии Стюарт представляла собою цепь необыкновеннейших приключений, которые нередко встречаются в действительной жизни. Но последняя часть ее жизни, со времени ее вынужденного отказа от престола, превратилась в сплошную драму, и весь ее ужас только подчеркивался той медленностью развития, с которой эта драма шла к своему трагическому концу.

Мария Стюарт, потерпев поражение в своей попытке вернуть себе престол, покинула свою страну и вступила на английскую территорию у Виркингтона в Камберленде; навстречу ей явился губернатор Карлайла, доставивший ее в свой город со всеми приличествующими ее сану почестями.

В то время губернатором Карлайла был лорд Лаутер; он был настолько тактичен, что сразу отнесся к Марии Стюарт, как к коронованной особе. Он поспешил послать своей государыне донесение обо всем происшедшем, а пока окружил шотландскую королеву подобающими почестями. Но не успел еще он получить ответ на свое донесение, как к Марии прибыл гонец, вручивший ей письмо от английской королевы; в этом письме Елизавета высказала ей свое участие и дала разрешение оставаться в Англии.

Это было последним солнечным лучом для Марии, последним обманчивым сиянием, последним миражом того, будто ее прежний ранг еще вызывал в Европе какое-либо уважение.

Действительно, вскоре после этого письма лорд Лаутер получил выговор за прием, устроенный им Марии, а вслед за этим появились лорд Скруп, начальник западных провинций, и Фрэнсис Кноллис, вице-канцлер Елизаветы, с инструкциями, касавшимися шотландской королевы. Им было поручено предупредить всех шерифов и мировых судей Камберленда, чтобы они ни в коем случае не допускали бегства Марии; затем они должны были передать ей новое письмо Елизаветы, содержание которого, в существенных чертах, было такое же, как и первое, но с прибавлением словесного поручения.

Двадцать девятого мая 1556 года Скруп и Кноллис были приняты Марией, передали ей письмо своей королевы и затем прибавили на словах, что Елизавета сожалеет о невозможности принять ее у себя, пока она не оправдается в подозрении, будто принимала участие в убийстве своего супруга.

Мария Стюарт разразилась слезами; в ее сердце зашевелилось подозрение о том, чего ей ожидать здесь в будущем.

– Господи боже! – воскликнула она. – Неужели это – ответ несчастной женщине, которая явилась с просьбой о помощи?

В тот же день прибыл отряд в пятьдесят солдат, которые должны были сторожить королеву; от нее удалили всех ее дам и слуг; в качестве компаньонки и смотрительницы к ней была приставлена леди Скруп. Мария уже не могла сомневаться, что попала в плен, но, все более убеждаясь в этом, она не теряла головы, а наоборот – проникалась мужеством и истинно королевским достоинством, что не могли отрицать в ней даже ее враги.

Она послала в Лондон лэрдов Геррьеса и Флеминга, чтобы они постарались там сделать что-нибудь для нее, кроме того, Флеминг должен был отправиться во Францию, чтобы испросить там заступничества и помощи. А тем временем к английской королеве обратился также регент Шотландии, лэрд Мюррей, и это обращение дало Елизавете возможность пойти намеченным заранее путем.

После долгого ожидания посланцы Марии получили аудиенцию у английской королевы и передали ей мольбы, просьбы и пожелания своей повелительницы.

– Я от всего сердца жалею мою царственную сестру, – ответила Елизавета с притворной ласковостью, – но ее честь так же, как и моя, требует строжайшего расследования слухов, касающихся ее поведения.

– Ну а если, ваше величество, – обратился к королеве лэрд Геррьес, – обстоятельства – упаси бог! – сложатся против шотландской королевы?

– Тогда я попытаюсь дать делу правильный ход.

– Моя повелительница желала бы, чтобы ей дали возможность переправиться на материк Европы, или же в крайнем случае пусть ей позволят вернуться в Шотландию в том же челноке, в котором она приехала в Англию.

– Я лучше знаю, чего требуют интересы моей царственной кузины, – возразила Елизавета, – и потому никогда не соглашусь на это.

Посланцы уехали из Лондона ни с чем.

С этого момента начался живой обмен письмами между английским правительством и графом Мюрреем, от которого в конце концов потребовали, чтобы он представил доказательства обвинений, предъявленных им королеве.

Теперь одну за другой стали принимать меры, направленные против Марии Стюарт. 13 июня 1556 года к несчастной королеве прибыл посол Елизаветы, лорд Мидльмор, в сопровождении Скрупа и Кноллиса. Марию ждало новое унижение, так как от нее потребовали, чтобы она подчинилась всем перипетиям правильного судебного процесса. Мария рассердилась и сама написала Елизавете письмо.

Марию стали содержать несравненно хуже, чем в первое время по приезде. Это вызвало представление французского и испанского посланников; однако Елизавета не приняла их.

Прошло еще два месяца в переговорах, и Мария наконец сдалась. Она согласилась, чтобы ее дело было рассмотрено специальной конференцией, состоявшей из назначенных Елизаветой комиссаров. С этой целью ее перевезли из Карлайла в замок Болтон в графстве Йорк. Тем временем в Шотландии воцарился мир, и Мария снова стала надеяться на благополучный исход.

Комиссия, назначенная Елизаветой, состояла из герцога Норфолка, графа Суссекс и сэра Садлера, канцлера Ланкастера.

В качестве представителей мятежников явились сам Мюррей, граф Мортон, архиепископ оркнейский, Питкэрн, лэрды Линдсей, Макгилл, Голхил, Майтленд и Бэченан. Защитниками Марии были епископ розский, лэрды Льюингстон, Бонд, Геррьес, Гамильтон, Гордон Лочинфер и Яков Кокберн.

Прения членов комиссии, которые велись с обеих сторон с одинаковой страстностью и непорядочностью, не имели другого результата, кроме того, что Марию Стюарт 26 января 1569 года перевезли из Болтона в Тетбюри, где она была подвергнута еще более строгому заключению под надзором лорда Шрусбери. В общем, весь этот процесс превращался в какой-то грандиозный скандал, и Мария уже не могла сомневаться в истинных намерениях Елизаветы. После окончания работ конференции беспорядки в Шотландии вспыхнули с новой силой.

II

Выше мы упоминали имя герцога Норфолка; этому лорду тоже пришлось сыграть трагическую роль в событиях, ставших роковыми для шотландской королевы.

Леди Скруп, сестра герцога, бывшая в течение первого времени компаньонкой и надзирательницей Марии, поддерживала самую оживленную переписку с братом и неоднократно писала ему про красоту, образованность и симпатичность шотландской королевы. Это заинтересовало герцога, так как он и ранее слышал такие же восторженные отзывы от Суррея, которого укрывал у себя в первое время после изгнания.

Норфолк был очень честолюбив, владел громадными богатствами и состоял в родстве с первыми родами страны. После своего восшествия на престол Елизавета назначила его членом тайного совета, и герцог играл блестящую роль в столичном обществе.

Норфолка преследовало странное несчастье в браке. Тридцати двух лет он уже был в третий раз вдовцом и думал вступить в новый брак, когда Елизавета назначила его председателем конференции, которой поручено было разобраться в деле Марии Стюарт. Последняя особенно рассчитывала на его помощь, так как знала от его сестры, что герцог постоянно выказывал особенно теплое участие к ее судьбе. Это натолкнуло Марию на мысль обратиться к Норфолку с письмом, а тот, в свою очередь, ответил ей. Эта переписка стала оживленной и регулярной, и у герцога мелькнула мысль просить руки пленной королевы.

Мы уже упоминали прежде о талантах и способностях регента Шотландии, графа Мюррея. Он отлично видел, какое могло бы создаться положение, если бы раздуть дело Марии Стюарт в том направлении, в каком желало английское правительство. Однако такого конца он совершенно не желал, а потому с радостью готов был найти какой-нибудь выход из создавшегося положения; он не особенно доверял Елизавете и хотел только мира для своего измученного отечества. Он с самого начала догадался о симпатии герцога Норфолка к Марии и принялся осторожно зондировать его, чтобы узнать, разумно ли будет сделать ему определенные предложения относительно судьбы шотландской королевы.

В этом отношении регент поддерживал секретаря Летингтон. Этот человек был соучастником в убийстве Дарнлея, но, будучи более искусным и ловким, чем остальные заговорщики, сумел добыть копии переписки Босуэла с Марией, вследствие чего, имея их в руках, представлял собою очень влиятельную величину; его боялся сам регент и напрасно старалась подкупить Елизавета.

Норфолк скоро разгадал этого человека и сумел перетянуть его на свою сторону. Посвященный в планы и скрытые намерения Мюррея, Летингтон устроил свидание обоих важных для него людей.

Разговор между Норфолком и Мюрреем начался с того, что первый пытался представить Шотландию ленным владением Англии. Но Мюррей доказал ему, что Шотландия никогда еще не была ничьим леном.

Затем Норфолк стал соболезновать о судьбе Марии Стюарт, и Мюррей выказал готовность содействовать улучшению ее, если бы для него самого и для Шотландии из этого могла получиться какая-нибудь выгода.

Оба отлично столковались по поводу этого вопроса, и Мюррей, прежний обвинитель Марии, теперь стал выказывать абсолютно пассивное отношение в представлении улики и доказательств обвинения, так что казалось, что Елизавете придется попасть в невыносимо дурацкое положение.

Но недаром говорил Берлей о существовании у Елизаветы каких-то незримых ушей; это пришлось испытать на себе и герцогу Норфолку. Елизавета вызвала его к себе и высказала ему прямо в лицо, что знает о его намерении освободить Марию и жениться на ней.

Из осторожности Норфолку пришлось самыми страшными клятвами отрицать предъявленное ему обвинение. Но Елизавета не поверила ему. Она перенесла заседания комиссии в Вестминстер и назначила в нее еще новых членов, а именно: Бэкона, Арунделя, Лестера и секретаря Сесилия. Таким образом Норфолк был связан по рукам и ногам, а Мюррей, убедившись, что Норфолк не может ничего сделать для него, выступил теперь снова под другой личиной.

Норфолк и Мюррей стали смертельными врагами. Видя, что все пропало, Норфолк решил поднять знамя восстания против своей государыни, стал вербовать приверженцев, и на первых порах это увенчалось успехом. Первыми к нему примкнули графы Арундель и Пемброк, Вестмидленд, Нортумберленд и лорд Ламлей. Графы Кумберленд, Бедфорд, Суссекс, Дерби и даже Лестер ответили, что они тоже не прочь поддержать заговорщиков, и это доказывало, насколько Елизавета оттолкнула от себя своим обращением всех пэров государства и какую опасную соперницу она приобрела себе в лице Марии Стюарт. Нечего и говорить, что это еще более раздуло ненависть Елизаветы.

Но если недовольных было так много, что их трудно было счесть, если посланники большинства государств намекнули на то, что на их правительства можно вполне рассчитывать, то такая голова, как Берлей, стояла всех их, вместе взятых, и основанное им учреждение, а именно «Звездная палата», быстро раскрыла все это дело.

О том, что против Елизаветы составляется заговор, распространившийся не только в Англии и Шотландии, но и почти по всей Европе, отлично знали как сама Елизавета, так и Берлей. Но в первое время в их руках не было никаких данных; и вот для того, чтобы получить их, Берлей учредил свою «Звездную палату». В те времена уже во всех государствах существовала тайная полиция, но не везде она работала так энергично, как в Англии.

По требованию Берлея к нему был командирован один из самых смелых и ловких агентов. Министр окинул агента с ног до головы взглядом и спросил:

– Как вас зовут?

– Пельдрам!

– Пельдрам? – пробормотал Берлей. – Я уже где-то слышал это имя... Почему вы поступили на службу «Звездной палаты»?

– Мне нужно свести свои счета с одним субъектом.

– В данном случае у нас есть дело поважнее. До меня дошли слухи, что затевается заговор, к которому примкнуло много высокопоставленных лиц. Я желаю узнать имена заговорщиков.

– Мы знаем их, милорд!

– Как? – даже вскочил с места Берлей. – Вы знаете? Так почему же до сих пор против этих лиц не возбуждено преследование?

– Нам не хватало улики.

– Тогда их надо добыть.

– Вы приказываете, и это будет сделано!

С этими словами наш старый знакомый Пельдрам оставил министра и немедленно отправился исполнять возложенное на него поручение.

Его план добыть улики отличался большой простотой. Он поскакал в город Линн, где помещался замок Норфолка, явился туда и, вызвав управляющего, заявил, будто до властей дошли слухи, что в замке незаконно томится в плену узник. В этот же момент к замку подскакал еще человек, назвавшийся тоже уполномоченным расследовать дело о незаконном задержании неизвестного узника в замке. Управляющему ничего не оставалось, как допустить их к обыску, и тут-то агентам удалось найти целую кипу компрометирующих Норфолка бумаг. Захватив их, они бешеным галопом понеслись обратно в Лондон. Но и управляющий тоже не зевал; он дал знать заговорщикам о происшедшем, и еще ранее того, как Берлей получил улики, заговорщики успели бежать на север.

Восстание разразилось, но благодаря тому, что весь план попал в руки властей, его удалось подавить в самом начале. Норфолк и некоторые другие заговорщики были под страхом смертной казни вытребованы на суд тайного совета и, как только явились в Лондон; были схвачены и немедленно посажены в Тауэр. Только графы Суссекс и Нортумберленд остались на местах и вступили в активную борьбу с английским правительством. Но эта борьба окончилась для них поражением; им пришлось бежать в Шотландию, где они и были арестованы вместе со многими своими приверженцами.

Таким образом, грозное восстание свелось к пустякам и дало только Елизавете большие выгоды; она не удовольствовалась своей победой, а приказала назначить строгий суд над мятежниками, благодаря чему ей удалось избавиться от многих нежелательных лиц; в одном только Дургэме было казнено более трехсот человек.

Во время этой гражданской войны в Англии и в Шотландии продолжалась борьба приверженцев королевы Марии против регента; однако в этой борьбе погиб самый жестокий враг и преследователь Марии – ее брат Джеймс Стюарт, лэрд Мюррей; он был убит 23 января 1570 года лордом Джеймсом Хепберном, лордом Босуэлом.

Смерть регента настолько ослабила его партию, или – как она называла себя – партию короля Иакова Шестого, что на некоторое время приверженцы Марии одержали верх.

Но тогда Елизавета приказала своим войскам, стоявшим на северной границе, двинуться в Шотландию, и тут они выступили в защиту партии Иакова Шестого. Возгорелся короткий, но ожесточенный бой, партия Марии была окончательно побеждена, мир был заключен, а... Елизавета осталась победительницей...

А в то самое время, как партия Марии была разгромлена, заговор графов подавлен, помощь от иностранных держав парализована, Мария Стюарт томилась в нежиле замке, как настоящая узница, как узница, которую Елизавета считала преступницей и преступления которой она считала себя вправе судить.

Но именно эта строгость, несчастье Марии, ропот остальных держав, смелость приверженцев Марии и деятельность самой Марии, проявленная ею в стенах своей тюрьмы, вызвали новый эпизод, которому мы и посвятим дальнейшие страницы.

Энтузиазм, вызванный сочувствием к страданиям Марии Стюарт, все разгорался и разгорался, и целых шестнадцать лет Елизавета не знала ни минуты покоя или отдыха.

Глава вторая

Четсуорт

В 1570 году Марию Стюарт перевезли из Тетбюри в Четсуорт в графстве Дерби. Весь этот год прошел в переговорах; их вела Елизавета с лицемерной целью вернуть Марии Стюарт шотландский трон. Но из этих переговоров ничего не вышло, да сверх того казалось, что и Франция окончательно отступилась от Марии Стюарт.

В это время в Лондоне разразилась чума, которая проникла также и в Тауэр, где томился в заключении Норфолк.

Он и Мария ухитрились и из тюрьмы продолжать начатую еще ранее переписку: когда Мария Стюарт увидела, что Франция отказалась помогать ей, то она обратилась с просьбой о помощи к Филиппу Второму Испанскому, и Норфолк знал об этом.

Но об этом знала и Елизавета. Она приказала ввиду чумы выпустить Норфолка из Тауэра, но сослала его в замок Линн, где он должен был жить безвыездно под надзором двух агентов «Звездной палаты». Кроме того, пред своим отъездом из Лондона он должен был обещать, что не станет впредь поддерживать с Марией Стюарт никаких сношений; он поклялся в этом своим честным словом и, кроме того, дал подписку с приложением своей печати, но в то же время в душе был полон твердого намерения не сдерживать этого обещания. Затем он был отправлен в Линн, куда и прибыл зимой 1570/71 года.

С этого момента и начались те события, намек на которые сделан в предыдущей главе.

В один из пасмурных мартовских дней четверо всадников переезжали границу графства Дерби, направляясь к Четсуорту. Они не торопились, хотя дождь и лил как из ведра.

По внешнему виду этих всадников можно было принять за купцов или торговцев, которые в то время постоянно колесили с дорожным мешком за спиной по всей Англии. Мы же узнали бы в этих всадниках наших старых знакомых – Суррея, Брая, Филли и Джонстона; Филли тоже была в мужском платье, в котором чувствовала себя почти свободнее, чем в женском.

С тех пор как Филли убедилась в подлости Лестера, в ней произошел громадный внутренний переворот. Как когда-то прежде, она была готова на все из-за любви к Лестеру, так теперь из благодарности к Суррею и Браю способна была пожертвовать чем угодно. Ведь она знала, какую жертву принесли ей они, и умела ценить ее.

Суррей, отправившийся после изгнания в Шотландию, нашел случай примириться с Георгом Сейтоном и получил от него разрешение посвататься за Джейн. Теперь, вопреки запрещению королевы Елизаветы, он опять возвращался в Англию, чтобы попытаться сделать все возможное для шотландской королевы и – в случае возможности – также для своего родственника, герцога Норфолка.

Что касается Брая, то было довольно трудно разобраться, чего ради он опять стремился вступить на английскую территорию. Для этого было слишком много оснований, и если принять во внимание силу его привязанности к Филли, то легко согласиться, что она должна была быть главным среди них.

Джонстон рад был новому приключению.

Все четверо отправлялись теперь в Четсуорт, куда и прибыли к вечеру, когда почти уже совершенно стемнело. Там они остановились в харчевне сомнительного вида.

Марию Стюарт стерегли очень строго: она была лишена многих насущнейших удобств, но жестокость в отношении ее не простиралась настолько далеко, чтобы ее лишили возможности сообщаться с кем угодно. В то время относительно этого еще не было отдано специальных распоряжений, а ее стражи чувствовали к ней достаточно уважения, чтобы не принимать

более строгих мер, чем те, которые вызывались необходимостью. Поэтому, когда Филли знаками выразила желание предложить лицам свиты и придворным дамам разные безделушки для продажи, то ее желание было сейчас же исполнено, тем более что ее печальный физический недостаток отгонял всякие подозрения. В скором времени молодого немого торговца окружили покупатели и любопытные, среди которых, разумеется, были и лица стражи.

Тем не менее Филли удалось передать Джейн Сейтон три письма, из которых одно было от Суррея к королеве, а остальные оба – ей самой, от Суррея и ее брата.

Как только Филли ушла, Джейн Сейтон поспешила к королеве. Нельзя описать радость последней, когда она узнала, какие лица опять оказались вблизи от нее с готовностью оказать ей помощь. Она торопливо вскрыла письмо Суррея и ответила ему этой же ночью; кроме того, она написала еще два письма – епископу розскому и герцогу Норфолку, оба зашифрованные; эти письма Джейн должна была ухитриться передать Филли.

В то время как Мария Стюарт писала письма, возбужденная радостной надеждой, Джейн была задумчива и грустна; но в конце концов и она тоже написала свои письма, и когда Филли появилась на следующий день, то ей было вручено четыре письма, с которыми она и вернулась к своим спутникам.

Суррей получил письма и прочел оба, адресованные ему лично. Королева благодарила его за предложение своих услуг и верность, просила отвезти остальные письма сообразно прилагаемым инструкциям и выражала согласие принять к себе в услужение Тони Ламберт, как это предлагал Суррей.

Джейн же написала, что сочла бы за измену сестре, если бы приняла предложение Суррея вступить с ним в брак, почему и вынуждена самым решительным образом отклонить таковое.

На один момент граф Суррей закрыл свое лицо руками и тяжело вздохнул; но вскоре он уже оправился.

– Сэр Брай, – спокойно сказал он, – мы оба поедем с вами ночью дальше, а Филли и Джонстон останутся здесь; как только Тони прибудет сюда, Филли поведет ее к королеве и вообще постарается поддерживать постоянное сообщение с замком.

Филли утвердительно кивнула головой, и все четверо принялись за ужин. После еды Суррей и Брай сели на лошадей, оставили Четсуорт и поскакали в Лондон, куда прибыли через несколько дней.

Уже в Лондоне Суррей узнал, что герцог Норфолк выпущен из Тауэра и находится в Линне; поэтому он отправился в городской дом Норфолка, отыскал там секретаря герцога, некоего Баркера, открылся ему и узнал подробности о положении Норфолка. По счастливой случайности секретарь, рассказывая, как сторожат герцога, упомянул имя Пельдрама, и хотя Суррей и не мог положительно сказать, что это – непременно тот самый Пельдрам, который служил Лестеру, но, во всяком случае, он отказался от мысли лично отправиться в Линн. Поэтому ему пришлось решиться вручить Баркеру письмо королевы для передачи его Норфолку, и секретарь в тот же день выехал из Лондона.

Герцог был страшно доволен, получив письмо. Он поблагодарил Баркера, приказал ему отдохнуть, пока будет готов ответ, а сам позвал своего старшего секретаря, Гайфорда, которому и приказал расшифровать письмо Марии.

Оказалось, что Мария сообщала ему о предпринятых ею шагах. Она написала испанскому королю, так как считала его помощь безусловно необходимой, но Норфолк должен был дать слово перейти в католичество и написать ей, насколько можно рассчитывать на поддержку английской аристократии. Затем герцог должен был сообщить ей, какое количество вооруженных людей ему необходимо для поддержки. Обо всем этом герцог должен был, кроме того, написать особо епископу розскому.

Норфолк сейчас же приказал Гайфорду написать требуемые письма. Он выразил согласие на переход в католичество и полную уверенность в поддержке большинства представите-

лей английской знати, так как все они придерживаются католической религии. Сам он мог бы выставить 20 тысяч пеших и 3 тысячи конных солдат, а для поддержки ему нужно было бы еще 6 тысяч стрелков, 25 пушек, 2 тысячи кирас, 4 тысячи ружей; если бы оказалось возможным доставить 10 тысяч людей, то это было бы еще лучше. А главное – главное надо было денег, денег и денег!

Затем, приказав сжечь полученные письма, герцог позвал Баркера и вручил ему оба своих ответных письма.

Брай тоже был не менее осторожен, чем Суррей. Он отправился во дворец к графине Гертфорд и попросил ее съездить к епископу русскому, жившему в Лондоне в качестве представителя интересов Марии, и испросить для него аудиенцию. Графиня не встретила в этом никаких затруднений и вскоре явилась с ответом, что епископ ожидает Брая. Последний отправился к нему.

Епископ принял Брая очень любезно, выказал полную готовность пойти навстречу желаниям королевы Марии и попросил Брая еще раз навеститься к нему.

Как только Брай ушел, епископ вышел из своего дома и направился в Сити; здесь он вошел в один из домов, который, судя по вывеске, был банковской конторой.

Банкир Ридольфи, директор итальянской промышленной компании в Лондоне, флорентинец по рождению и родственник семьи Медичи, был очень богатым человеком. Его главная деятельность заключалась в защите интересов папы, тайным агентом которого он был; Ридольфи состоял кредитором на крупные суммы многих важных особ и таким образом держал их в руках. Он был тоже замешан в заговоре против королевы Елизаветы и долгое время просидел в тюрьме, откуда его выпустили под залог в тысячу фунтов. К этому-то человеку и отправился теперь епископ русский, чтобы поговорить с ним.

Для беседы оба они прошли в потайной кабинет Ридольфи, где епископ первым делом сообщил банкиру содержание письма королевы Марии.

– Необходимо отправить в Испанию верного человека, – продолжал он, – и я выбрал для этого вас!

– А я готов отправиться, – ответил итальянец.

– Хорошо!

От банкира епископ отправился к испанскому посланнику, дону Джеральдо Эспаль, чтобы получить для своего посланца необходимый паспорт и рекомендации. Он получил все требуемое, и теперь все дело было за письмом, которое Ридольфи должен был передать испанскому королю Филиппу Второму.

Баркер вернулся в Лондон и отыскал Суррея в гостинице, где тот остановился.

– Милорд, – сказал он, – герцог Норфолк приказал вам кланяться и благодарить. Мне, разумеется, не надо рекомендовать вам осторожность при выполнении всего этого предприятия?

– О, разумеется, нет, – ответил Суррей. – Ну а что вы привезли?

– Два письма, которые вы должны передать по назначению.

– Давайте их!

– Вот они.

Суррей взял письма, простился с секретарем и отправился с Браем к епископу русскому.

Последний очень любезно принял графа, поблагодарил за содействие и обещал быстро и надежно передать письма по назначению.

Оба вышли из дворца, и Суррей отправил Брая с письмом к королеве Марии. С своей стороны, епископ поспешил отправить своего посланца, и в тот же день итальянец выехал с важным документом из Лондона.

Так закончилось введение к одному из самых важных заговоров против Елизаветы.

Глава третья

Высшая политика

Мы уже упоминали выше, что Франция внезапно отказалась поддерживать Марию Стюарт. Это могло бы показаться странным, если бы для этого не было веских причин, таившихся в закулисной дипломатической работе.

Дело в том, что около этого времени Франция снова завязала переговоры с Берлеем относительно возможности замужества Елизаветы с одним из французских принцев. Пока еще эти переговоры велись на словах и неофициально, так как Берлей заявил, что он не считает момента подходящим для открытого обсуждения возможности такого политического брака. Но он понимал, что в последнее время Англия сильно обеднела, что чума и голод последних лет ослабили ее силы, а намерения Испании не были для него тайной. Поэтому он считал необходимым дать французскому посланнику надежду на скорое и благоприятное разрешение этого вопроса, потребовав взамен, чтобы Франция отказалась от активного заступничества за Марию Стюарт.

Берлей помнил клятву, данную в его присутствии Елизаветой, – клятву о том, что она никогда не выйдет замуж, и не предполагал, что она нарушит ее. Впрочем, нарушение клятвы вовсе и не входило в его планы; как хитрый дипломат, он просто хотел использовать все благоприятное значение момента.

Следуя задуманному плану, он сначала отправился к графу Лестеру, высказал ему, в каком затруднительном положении находится сейчас страна, и потом рассказал о предложении французского посланника, графа д'Обиспена, заключить вечный и нерушимый мир с Францией. Так как подобные миры заключались неоднократно, но обыкновенно вскоре нарушались, то залогом прочности данного мира должен был быть брак королевы Елизаветы с графом Анжуйским. В заключение Берлей предложил Лестеру поговорить об этом с Елизаветой.

Как ни неприятно было подобное поручение Лестеру, но он должен был взяться за него. Он понимал, что именно в его устах подобное предложение должно было показаться Елизавете особенно оскорбительным, но надеялся вызвать в ней вспышку гнева, которую легко было бы потом перевести в приступ былой нежности. Быть может, все прошлое будет тогда окончательно забыто? Быть может, Елизавета все-таки склонится к мысли о браке с ним, Лестером?

Но, даже если последнему не бывать, все же он не в силах был оставаться в таком положении, в котором он очутился после раскрытия всей его истории с Филли. Правда, наружно он как бы сохранил полную власть и влияние, но на самом деле Елизавета обращалась с ним теперь презрительно и высокомерно, и, когда они оставались наедине, он даже не осмеливался приблизиться к ней. Теперь можно было вызвать ее на резкую сцену, а если она даже и рассердится, то ему легко будет указать, что это Берлей попросил его заговорить с королевой о данном деле, а он, Лестер, как лицо, стоящее к ней ближе всех, не счел себя вправе выдвигать личные чувства и забывать ради них выгоду государства.

С этими мыслями Лестер отправился во дворец, чтобы присутствовать на утренней аудиенции; по окончании ее он последовал за королевой в ее апартаменты и остановился там в молчаливом ожидании на пороге.

Вскоре ему представилась возможность заговорить с Елизаветой, отвечая на брошенное ею замечание по поводу чумы. С этого замечания Лестер перешел на внутреннее положение Англии, а затем – на иностранную политику. В конце концов он подошел к вопросу о возможности вечного мира с Францией и высказал, каким образом этот мир мог быть осуществлен.

Услышав, что Лестер предлагает ей замужество с французским принцем, Елизавета вскочила, как ужаленная. Ее глаза метали молнии, лицо пламенело гневом, руки судорожно сжимались в кулаки. Это был опасный момент, и Лестер хорошо сознавал это.

– Милорд, – дрожа от гнева, воскликнула королева, – вот уже два раза вы рисковали на такие вещи, которые заставляли меня предполагать, что вы смотрите на свои отношения ко мне, как на легкомысленную интрижку с распутной бабой. Теперь вы, кажется, в третий раз решаетесь на это?

– Ваше величество, я думал, что вы этого никак не заподозрите! Если я рискнул передать вам это предложение, которое исходит от милорда Берлея, то только потому, что лорд Сесиль хотел сначала видеть, какое впечатление может произвести это на ваше величество, а уже потом сделать вам официальный доклад.

Елизавета задумалась; ее гнев несколько улегся, а в глазах, обращенных на графа Лестера, теперь виднелась только глубокая скорбь.

– Вы обсуждали с Берлеем этот вопрос? – спросила она.

– Да, ваше величество.

– И что вы сказали по этому поводу?

– Я высказал, что вечный и нерушимый мир с Францией настолько неизмеримо важнее моих личных чувств, что о последних и речи быть не может...

– Ах, Дэдлей, и вы, вы...

Лестер вскочил с колен, а затем, бросившись к королеве, схватил ее руку и запечатлел на ней страстный поцелуй. Но, словно ужаленная змеей, Елизавета отскочила назад.

– Довольно! – холодно сказала она ему. – Между нами не должно быть больше подобных глупостей! Ступайте! Я подумаю на досуге об этом деле.

Когда Лестер рассказал Берлею о происшедшей сцене, тот улыбнулся тонкой улыбкой, а затем, поблагодарив Лестера, отправился прямо к французскому послу и заявил ему, что теперь он, Берлей, может принять официальное представление об интересующем их предмете.

На следующий день лорд имел продолжительный разговор с Елизаветой. Он доказывал ей, что согласие в сущности ни к чему не обязывает, что переговоры можно будет затянуть года на два, а в течение этого времени Англия оправится и не будет уже нуждаться в помощи Франции. Иначе же их положение может стать затруднительным; со стороны Испании надвигается гроза, и уже теперь надо готовить флот, способный дать ей отпор. Если под предлогом заступничества за Марию Стюарт в дело вмешается еще и Франция, то Англии придется слишком трудно, тут же, пока переговоры будут вестись, Франция будет держаться строгого нейтралитета. В конце концов Елизавета согласилась с этим, и было решено передать французскому посланнику, что его предложение встречено королевой очень милостиво.

Таким образом, благодаря тонкому политическому шагу Берлея, Мария Стюарт потеряла надежду на поддержку с той стороны, с которой могла ожидать ее больше всего.

Глава четвертая

Совещание в Эскуриале

Теперь перенесемся на момент в Испанию, чтобы посмотреть, какое значение имела Испания в затеянном заговоре против королевы Елизаветы.

Можно было счесть за дурное предзнаменование, что совещание о судьбе Марии Стюарт происходило как раз в Эскуриале, в гигантской усыпальнице испанских королей, построенной Филиппом Вторым.

Ридольфи, посланец заговорщиков, прибыл в Мадрид, а 5 июля 1571 года. Филипп Второй дал ему тайную аудиенцию; при последней присутствовал лишь один министр, который просмотрел верительные грамоты и рекомендательные письма итальянца. В качестве их банкир Ридольфи представил нижеследующее: во-первых – письмо испанского посланника в Лондоне, дона Джеральдо Эспалья, во-вторых – письмо от герцога Альбы, в котором тот писал, что Ридольфи можно смело довериться, и наконец письмо от римского папы Пия Пятого, в котором стояло:

«Наш возлюбленный сын, Роберт Ридольфи, представит Вам, Ваше Величество, с Божьей помощью, суждения о некоторых делах, которые могут значительно помочь делу христианства и послужить во славу Божию. Мы просим Вас, Ваше Величество, в этом отношении подарить Ридольфи полнейшее доверие и закликаем Вас, памятуя о Вашем выдающемся рвении к интересам церкви, принять участие в его предложениях и сделать в этом отношении все, что покажется возможным Вам. Мы просим Вас, Ваше Величество, подвергнуть все это дело зрелому размышлению и от глубины сердца молимся Спасителю о ниспослании удачи всем Вашим делам и начинаниям».

Затем Ридольфи передал письмо герцога Норфолка и различные словесные поручения заговорщиков, согласно тому, что сообщил ему епископ розский.

Через день, 7 июля, было назначено совещание; оно, как мы уже упоминали, состоялось в Эскуриале.

Король открыл заседание речью, в которой изложил цель созыва присутствующим, а затем предложил собравшимся просмотреть все документы, относящиеся к данному делу, и высказать свое мнение.

Просмотр документов не вызвал ни у кого особенных возражений. Только по поводу писем папы и герцога Норфолка Филипп Второй заметил, что в настоящее время его королевская сокровищница пуста, так что этим он служить не может.

Затем было прочтено письмо Марии Стюарт, в котором было написано:

«Пусть тайный совет испанского короля, защитника и опоры католической церкви, не откажет в своей помощи если не ради меня, то дабы поставить весь остров (Англию) под покров и защиту высокого повелителя и короля».

Затем прочли письмо дона Жуана Цуниги, испанского посланника при папском дворе; тот доносил, что счел себя обязанным представить папе все затруднения, связанные с данным делом, и предостеречь его от излишнего доверия к посреднику переговоров.

В письме Альбы к герцогу Ферия было коротко и определенно сказано, что предприятие слишком трудно и не может удасться хотя бы потому, что оно вверено дураку и болтуну, каким он считает Ридольфи.

Оба документа рекомендовали осторожность по отношению к Ридольфи, но зато очень серьезное значение имело состоявшее из двадцати страниц письмо герцога Альбы из Нидерландов к самому королю Филиппу. В нем он написал между прочим своему повелителю:

«Сострадание и интерес, которые должно внушить Вам, Ваше Величество, недостойное обращение с королевой шотландской и ее сторонниками; возлагаемая на Вас Богом обязанность содействовать по возможности победе и восстановлению католицизма в Англии; оскорбления, нанесенные в различных видах королевой английской Вам, Ваше Величество, и Вашим подданным, не оставляющие никакой надежды на улучшение отношений при ее царствовании, – все эти причины заставляют меня признать план королевы шотландской и герцога Норфолка, при его удачном исполнении, наиболее пригодным для отвращения зла».

Затем Альба разъяснял все трудности выполнения плана и тут же учитывал все последствия его преждевременного раскрытия, причем написал следующее:

«А если тайна не будет сохранена, то все предприятие рухнет и жизни королевы шотландской, равно как и герцогу Норфолку, будет грозить большая опасность. Королева английская найдет в этом давно ожидаемый ею повод отделаться от Марии Стюарт и ее приверженцев, католическая же религия будет навсегда погублена для всей страны, и во всем этом будете виноваты Вы, Ваше Величество.

Вследствие этого никто не может посоветовать Вам, Ваше Величество, дать свое согласие на требуемое содействие в указываемой форме. Но, если бы королева английская умерла естественной или другой смертью, или если бы ее захватили без Вашего влияния, я ничего не имел бы против этого. Переговоры между королевой английской и герцогом Анжуйским прекратились бы, французы менее боялись бы Ваших замыслов завладеть Англией, а немцы стали бы менее подозрительны, видя, что Вы, Ваше Величество, не имеете другой цели, как только поддержать королеву шотландскую в ее правах на английский престол против других претендентов. Тогда справиться с последними было бы легко, еще до вмешательства других коронованных особ, так как можно было бы воспользоваться выгодной позицией во владениях герцога Норфолка и высадить требуемые шесть тысяч солдат не только по прошествии сорока дней, в течение которых Норфолк предполагает продержаться один, но и в тридцать, даже в двадцать пять дней».

Герцог Альба, этот палач Нидерландов, как видно из этого письма, лишь осторожно намекал на возможность другой смерти для королевы английской, кроме естественной, словно он совсем не был посвящен в эту часть плана заговорщиков.

Тем яснее говорил протокол совещания с Ридольфи. Из него видно, что для заговорщиков было три пути для достижения цели, а именно: 1) возбуждение восстания, поддержка этого восстания Филиппом II и по возможности честный бой; 2) захват королевы английской, восстание, бой, и 3) убийство Елизаветы, уничтожение ее партии. Результатом этих трех случаев, при благополучном исходе дела, было бы возведение Марии Стюарт на трон трех соединенных государств – Англии, Шотландии и Ирландии. Кроме того, в своих разъяснениях Ридольфи повторил обещания Марии, а также Норфолка и других заговорщиков.

Когда совет в такой форме ознакомился с делом, король, предложив Ридольфи уйти, пригласил своих советчиков высказать свое мнение. Большинство высказалось против оказания помощи заговорщикам.

Тогда Филипп II, после долгого молчания, велел позвать Ридольфи и объявил ему, чтобы он написал Марии Стюарт, Норфолку и епископу росскому, что он, король, даст необходимые приказания, а одновременно приказал написать испанскому послу в Лондон, чтобы тот остерегался и не входил в слишком близкие сношения с заговорщиками.

Герцогу Альбе он написал сам:

«Так как Вы твердо убеждены, что нам нет расчета принимать слишком близкое участие в этом деле, пока союзники не выступят в должной силе, и так как мне известна Ваша мудрая заботливость, то я полагаюсь всецело на Вас, дабы Вы, после зрелого обсуждения, служа Богу и мне, поступили, как находите лучшим. Я же уверен, что Вы поведете это большое предприятие с усердием, стойкостью и мудростью».

Ридольфи еще на несколько времени был задержан в Испании, а затем отправился в Брюссель, где имел различные совещания с Альбой; последний не доверял ему и осторожно обещал послать подкрепления только в таком случае, если в Англии разыграется настоящее дело. Ридольфи находился в очень трудном положении: его доверители побуждали его действовать, Альба же не обнаруживал никакой уступчивости; наконец епископ русский потребовал определенных донесений о ходе его деятельности и указал ему на одну личность, которая бралась доставлять ему эти донесения.

Ридольфи изложил свой отчет шифрами и, кроме того, передал указанному лицу письма к Марии Стюарт, Норфолку, графу Ламлею и дону Эспалью.

Человек, взявшийся за передачу писем, назывался Карлом Балльи и был родом фламандец; в Брюсселе он достал для епископа русского зашифрованную азбуку, которая должна была служить союзникам при их письменных сношениях.

Балльи выехал из Голландии и прибыл в гавань Дувр. Когда причаливали к берегу, он позвал своего лакея, а так как тот не являлся, он пошел искать его и нашел молодца спрятанным в пьяном виде. Балльи велел ему подняться наверх, взять сундук и следовать за ним.

– Вот еще! – воскликнул лакей. – Мне следовать за вами, мне нести ваш сундук? Несите сами свой сундук и убирайтесь к черту! Я – англичанин, сэр Сельд, и всегда имел более значения, чем вы! Ну, что вам еще нужно?

Балльи не мог сдержать себя и ударил лакея. Тот ответил ему тем же, и тотчас же началась бешеная потасовка, послужившая большим развлечением для матросов и пассажиров.

Тем временем в Балльи был признан иностранец, и на него посыпались угрозы, заставившие его прибегнуть к защите полиции; последняя задержала его и препроводила в адмиралтейство, где жил губернатор пяти портовых городов – лорд Кобгем.

Происшествие, по-видимому, совершенно незначительное, приняло более серьезный характер, и лорд велел привести к себе и Балльи и его лакея, желая выслушать их.

Первым дал свои объяснения Балльи.

– Прекрасно, – дерзко возразил лакей, – этот человек – шпион, изменник, бунтовщик, ведущий преступные переговоры с палачом Альбой в Нидерландах.

Балльи испугался.

– А кто вы? – спросил лорд Кобгем лакея.

– Меня зовут Кингстоном, – ответил лакей. – Милорд Лестер знает меня и удостоверит мою личность, если вы найдете нужным сообщить ему обо мне. Но вот этот человек, – указал он на Балльи, – имеет при себе важные бумаги; прикажите обыскать его.

В это время с обыском стеснялись менее, чем теперь. Сундук Балльи был осмотрен, пакет с депешами найден, а так как зашифрованное письмо показалось подозрительным, то Балльи и Кингстон были задержаны.

Лорд Кобгем послал об этом донесение в Лондон.

Между тем епископ русский, с нетерпением ожидавший своего агента, поехал ему навстречу в Дувр. Здесь он вскоре узнал о задержании Балльи и отправился к Кобгему, с которым он случайно был знаком.

– Милорд, – сказал он после первого приветствия, – вы арестовали человека, который находится у меня на службе.

– И не думал, сэр, – ответил Кобгем.

– Да, вы арестовали фламандца Балльи; у него находятся мои вещи, и я прошу вас вернуть их мне, если его не отпустят на свободу.

– Последнего не будет, так как против него есть обвинение.

– А мои вещи?

– Они будут вам возвращены. Вон там стоит сундук; отыщите свои вещи сами.

Губернатор либо был слишком занят, либо питал слишком много доверия к епископу, или – это самое вероятное – состоял в заговоре с ним, так как последний спокойно взял свой пакет с письмами и удалился.

По приказу из Лондона Балли и Кингстон вскоре были отправлены туда и заключены в Тауэр. К несчастью, у Балли нашли записку от епископа русского, в которой он уведомлял его, что письма получил обратно, и предостерегал его не изменять общему делу.

Это было серьезным успехом для Берлея, и он велел под пыткой допросить заключенного.

Балли открыл все, что знал, и рассказал о переписке епископа русского с Ридольфи и о сношениях последнего с герцогом Альба. Этого было достаточно, чтобы арестовать епископа и произвести у него домашний обыск. Хитрый епископ сумел устроиться так, что у него ничего не нашли, тем не менее было решено подвергнуть его допросу, и его объяснения должны были выслушать четыре члена государственного совета.

– Я не признаю этого суда, – гордо объявил епископ, – так как обязан отчетом только моей повелительнице, королеве шотландской. Я нахожусь в Лондоне и признан здесь ее послом. Мое задержание я нахожу незаконным.

Это было справедливо, и потому от допроса пришлось отказаться.

Так как после различных попыток от епископа все-таки ничего не узнали, то Берлей приказал оставить его в заключении, под стражей двух дворян.

Берлей знал теперь о существовании заговора, но не открыл его цели и имен заговорщиков. Он долго думал об этом деле и вдруг вспомнил о Пельдраме, уже однажды оказавшем ему большую услугу. Поэтому он тотчас послал ему в Линн приказ явиться к нему в Лондон. Четыре дня спустя Пельдрам был в приемной лорда Берлея, ожидая его распооужений.

Глава пятая

Открытие

Едва первому министру Елизаветы доложили, что в приемной ожидает некий Пельдрам, как тот быстро вскочил и велел впустить ожидавшего. Пельдрам вошел; Берлей приказал присутствовавшему в комнате секретарю удалиться, а сам стал пред вошедшим и устремил на него пытливый взор. Пельдрам храбро выдержал этот взгляд и спокойно ждал, чтобы министр заговорил с ним.

– Сэр Пельдрам, – наконец начал Берлей, – как вам живется в замке Линн?

– Очень спокойно, – ответил Пельдрам. – Мне редко приходилось вести столь мирную жизнь.

– А что делает герцог?

– О нем нельзя сказать ничего особенного; он гуляет, ездит верхом, катается, охотится, разговаривает со своими служащими.

– Принимает ли он посторонних?

– Никогда.

– Ведет ли он корреспонденцию?

– Несомненно!

– Кому поручаются для отправки его письма?

– Его лакеям. Но ведь был определенный приказ не мешать ни в чем этим последним при исполнении их обязанностей.

– Я знаю это; но ловкий человек должен двойственно понимать всякий приказ.

– А-а! Ну, я сомневаюсь, чтобы лакеи были посвящены в тайны герцога.

– Но можно было бы узнать адреса писем, отправляемых герцогом.

– Их я знаю, милорд.

– Значит, вы все же проявили зоркость. Ну, я потом попрошу назвать мне имена адресатов, а теперь скажите: как вы отнесетесь к известию, что ваш друг Кингстон посажен мной в тюрьму?

– Слава богу, милорд! Я думаю, что он не должен выйти из нее иначе, чем для дороги на виселицу.

– Дело обстоит приблизительно так. Но слушайте дальше! Кингстон был лакеем у некоего Баллы, везшего секретные письма к епископу русскому. Господин и слуга были задержаны, а их бумаги конфискованы, но исчезли необъяснимым образом. Епископ, получивший эти бумаги, арестован, но у него ничего не нашли. Баллы сознался, что епископ через итальянца Ридольфи состоит в сношениях с герцогом Альбой. Это что-нибудь да означает. Очевидно, есть заговор, и вы должны выяснить мне его.

– Эта задача нелегка!

– Вы правы, но я выдам вам Кингстона, а вы мне взамен – заговорщиков.

– Из-за головы Кингстона стоит постараться.

– Меня очень удивило бы, если бы герцог не был замешан в деле; назовите мне людей, которым он адресует свои письма.

– Большею частью своему секретарю Баркеру, живущему здесь, в Лондоне, затем Ламлею, Саутгемпτονу и Перси.

– Так, так! Было бы хорошо, если бы вы послали верного человека в Четсуорт, так как настоящего главаря заговора, несомненно, надо искать там.

– Я буду наблюдать за этим уголком.

– Хорошо!.. Я вскоре буду ожидать ваших сообщений. Теперь идите!..

Пельдрам раскланялся и вышел из комнаты. В глубоком раздумье он покинул дом и направился по улице, но через некоторое время снова поднял поникшую голову и увидел себя против дома французского посла. Затем он увидел еще больше.

В это время из дома вышел секретарь Норфолка Баркер, робко осмотрелся кругом, а потом поспешно удалился.

Это обстоятельство имело очень важное значение для Пельдрама; без долгих рассуждений он отправился ко дворцу Норфолка в Лондоне и, став поблизости, стал наблюдать. Уже через полчаса он увидел секретаря, отъезжающего верхом.

Дела Пельдрама были окончены, и вследствие этого он поспешил в свою квартиру, велел оседлать лошадь и последовал за Баркером, который, судя по его расчетам, мог ехать только к своему господину. Но, прежде чем он оставил Лондон за собой, ему пришлось встретиться еще с одним человеком, и эта встреча крайне поразила его. Это был Брай, который, в свою очередь, был крайне недоволен этой встречей.

Тем не менее у Пельдрама не было ни времени, ни охоты преследовать Брая. Он только принял к сведению эту встречу и поспешно поехал дальше догонять Баркера. Это ему и удалось через несколько миль, к немалому ужасу секретаря. Последний явно смутился, когда Пельдрам объявил, что намерен совершить путь до замка Линн в его обществе. Отклонить компанию нежелательного спутника не было никакой возможности, и оба продолжали путь, причем Пельдрам ни на секунду не спускал взора со своего собеседника, так как его чутье подсказывало ему, что он напал на верный след.

Путешественники прибыли в замок Линн, и, пока Пельдрам делал вид, что желает позаботиться о своем отдыхе, Баркер отправился к своему господину.

– Деньги уплачены? – был первый вопрос, с которым Норфолк обратился к секретарю.

– Да, милорд, – ответил тот.

В кабинете графа находился еще его секретарь Гайфорд, и, обратившись к нему, Норфолк сказал:

– Ну, когда мы пошлем их дальше? Но прежде разберите присланное мне шифрованное письмо.

Гайфорд принялся за работу и вскоре сообщил:

– Ваша светлость! Вас просят переслать верным путем переданные суммы лэрдам шотландской королевы в Эдинбург.

– Хорошо, это будет исполнено; но кого мы пошлем? Гайфорд, вы сами должны отправиться туда.

– Слушаю, милорд, – ответил секретарь.

С этими деньгами дело обстояло следующим образом:

Несмотря на видимое уничтожение партии Марии Стюарт, война в Ирландии вновь вспыхнула. 2 сентября 1571 года графу Ленноксу, регенту Шотландии, назначенному Елизаветой, удалось взять Дамбартон. Среди пленных находился дядя Гамильтона, убившего Мюррея. Леннокс объявил его виновным в этом убийстве и приказал повесить. Это вызвало ярость в партии Марии, и ее члены за получением необходимых средств для продолжения войны обратились к Франции, и последняя выдала деньги.

После того как Норфолк принял вышеупомянутое решение, оба его секретаря покинули комнату; один из них отправился отдохнуть, другой – приготовиться к дороге. Они слышали впереди себя поспешные шаги, но ничего не подозревали. А между тем эти шаги принадлежали Пельдраму, который, подслушав весь разговор заговорщиков, быстро направлялся в комнаты, занимаемые им сообща с его товарищем.

– Гекки! – сказал он, обращаясь к последнему. – Надень оружие, пойдешь к герцогу, объяви ему, что он не смеет выходить из своей комнаты, и сторожи его хорошенько. Я думаю, что его голова представляет большую ценность для нас.

Гекки ответил на эти слова пошловатым смехом, взял свое оружие и пошел исполнять приказание.

Герцог взглянул на него удивленными глазами, когда он вошел без доклада, и спросил:

– Что вам угодно?

– Я хочу составить вам компанию, милорд, – спокойно ответил вошедший, – вы – мой пленник.

– По чьему приказанию?

– По приказанию сэра Пельдрама.

– Пельдрам не имеет никакого права предписывать мне какие-либо ограничения моей свободы.

– Это – его дело, мое же будет состоять в том, чтобы заставить вас повиноваться мне, если вы не сделаете этого добровольно.

– Мы еще поговорим об этом, – сказал Норфолк возможно спокойнее, хотя сам вовсе не был спокоен.

От своего коллеги Пельдрам отправился к коменданту замка и сказал ему твердым тоном:

– Отрядите людей во двор замка, велите часовым никого не пропускать в замок и не выпускать оттуда; приготовьте караульную для приема пленников и дайте мне верного человека, который мог бы спешно доставить мой рапорт лорду Берлею.

Офицер не выразил ни малейшего протеста, так как имя Сесилия Берлея действовало магическим образом во всей Англии. Стража получила нужные приказания, помещение для пленных было приготовлено, солдаты посланы, и выбран человек, который должен был ехать с донесением в Лондон.

Когда стрелки появились во дворе, Пельдрам потребовал четырех из них в провожатые себе и вместе с ними тотчас же отправился к Гайфорду.

Последний был удивлен не менее, чем его господин при появлении товарища Пельдрама.

– Отдайте письма, которые вы сейчас вынесли из комнаты герцога! – приказал Пельдрам. Гайфорд отказался повиноваться.

Тогда Пельдрам подошел к нему, обыскал его, насильно отнял пакет и приказал солдатам:

– Свяжите его!

Его приказ был исполнен.

– Один из вас пусть сведет этого человека в караульную комнату и передаст его коменданту.

Гайфорда увели.

Отсюда Пельдрам отправился к старому кастеляну и также арестовал его. Баркера постигла та же участь.

Устроив это дело, Пельдрам поставил еще двух часовых перед помещением герцога, а затем написал Берлею свой рапорт и отослал его вместе с отобранными бумагами. Вскоре же после этого он отправил своего сотоварища Гекки в Четсуорт для наблюдения за Марией Стюарт.

Ничто не могло сравниться со счастьем Берлея при известии об этом неожиданном раскрытии заговора. Тотчас же для следствия над арестованными в Линн была отправлена комиссия, и уже после первого допроса Гайфорд был отвезен в Лондон, где его заключили в Тауэр.

Здесь его снова допрашивали и подвергли пытке. Страх пред последней заставил его сознаться во всем и указать, где в замке Линн были спрятаны письма Марии Стюарт, епископа русского и других к Норфолку, всего числом девятнадцать. Письма были найдены и отправлены в Лондон вместе с Баркером и кастеляном, и тут оба последние, подобно Гайфорду, из страха пред пыткой, подтвердили показания своего единомышленника.

После этого был допрошен и епископ русский. Он снова сослался на преимущества своего положения как посла, но ему дали понять, что своей изменой он утратил эти преимущества

и точно так же может подвергнуться пытке, если не сделает нужных признаний или еще долее будет упорствовать в своем молчании. Это подействовало. Епископ сознался во всем, как и остальные заключенные.

По полученному приказу Пельдрам доставил в Лондон также и герцога Норфолка, который подобно другим был посажен в Тауэр, а затем вскоре был также допрошен. Герцог написал королеве Елизавете письмо, полное раскаяния, и просил о снисхождении и прощении. Но для такой просьбы время было слишком неблагоприятное, а события слишком осложнены. Однако мы пока оставим последние.

Пельдрам окончил свою задачу в процессе Норфолка. Он принял от своего товарища Гекки донесения, представлявшие большую важность, сделал доклад лорду Берлею и получил приказ ехать в Четсуорт для наблюдения за Марией Стюарт, а быть может, еще больше для того, чтобы добыть новые доказательства против обвиняемых или выискать еще новых виновных.

Когда Гекки прибыл в Четсуорт, там еще ничего не знали о том, что произошло в Лондоне и Линне, и все вели себя по-прежнему свободно, так что Гекки мог наблюдать за всем. Он вскоре убедился, что тут находится какое-то лицо, при помощи которого Мария Стюарт сообщается с внешним миром, но долгое время никак не мог решить, кто был этот человек, так как Филли и ее спутники признавались всеми за простых безобидных купцов, ради наживы посещающих замок.

В этот промежуток времени Суррей пришел к решению освободить из заключения Марию Стюарт, невзирая на то, вспыхнет ли заговор или нет. С этой целью он имел несколько совещаний с епископом росским, сочувствовавшим его плану, и в то время когда Пельдрам встретился с Браем, заговорщики были заняты приготовлениями к бегству Марии. Ради этого Брай был послан подготовить подставы до берега моря и в маленьком городке судно, на котором Мария Стюарт могла бы переправиться из Англии во Францию.

Арест епископа росского, конечно, очень напугал заговорщиков, но они успокоились, видя, что арест, как казалось, не повлек за собой никаких серьезных последствий. Тем не менее Суррей находил отсутствие епископа очень неприятным, так как союзники лишились главного действующего лица для сношений, ставших со времени ареста епископа случайными и ненадежными. Поэтому легко себе представить весь ужас Суррея, когда распространилась весть о раскрытии заговора. Он быстро вскочил на свою лошадь и помчался в Четсуорт с целью спасти, что еще было возможно спасти.

Мария Стюарт со своей женской свитой жила спокойно в Четсуорте и искусно поддерживала свои сношения с внешним миром при помощи Тони Ламберт.

Так обстояло дело, когда Гекки наконец стал подозревать торговцев, постоянно посещающих замок, и постарался поближе познакомиться с ними. Это случилось, когда Брай вернулся, окончив порученное ему дело. Во время своей поездки он посетил Лондон и привез письма от Суррея к Марии Стюарт. Гекки на правах земляка пытался сблизиться с Браем, но тот резко отвернулся от него, что и послужило для Гекки подтверждением его подозрения, следствием чего было его вышеупомянутое донесение Пельдраму о положении дел в Четсуорте, вызвавшее отъезд Пельдрама в этот замок.

Суррей прибыл в Четсуорт раньше Пельдрама и тотчас же созвал своих товарищей.

– Друзья, – начал он, – я привез дурные вести; заговор открыт, самые важные его члены задержаны, наше пребывание здесь невыносимо. Филли, бегите в замок, сообщите там, что я сказал, и потребуйте уничтожения всех писем и документов. Бегите скорей, скорей! А вы, все остальные, займитесь приготовлениями к отъезду.

Филли пустилась бежать, остальные же устремились исполнять приказания Брая.

Филли была теперь так известна в замке, что без особенного труда пробралась к Тони. Исполнив поручение, она хотела покинуть замок, но как раз в это время были усилены кара-

ульные посты, и каждый, желавший выйти из замка, не выпускался оттуда. Филли оказалась задержанной, как бы в плену вместе с другими.

Легко сообразить, от кого исходили эти строгости. Вскоре после Суррея в Четсуорт прибыл Пельдрам, и, если бы Суррей приехал немного позднее, оба они встретились бы на большой дороге.

Когда Пельдрам, как уже опытный полицейский, распорядился насчет главного, он пожелал повидать своего достойного товарища, что привело его к дому, где находились особы, казавшиеся ему подозрительными.

Из числа их Джонстон отправился на двор, чтобы седлать лошадей, Брай отправился к хозяину проверить и уплатить счет, а Суррей беспокойно ходил по комнате, где недавно все были в сборе. При этой ходьбе он приблизился к окну и бросил взор на улицу. Вдруг он отскочил от окна и схватился за меч.

– Так и есть! Этот проклятый ищейка напал на наш след! – воскликнул Суррей, после чего поспешно выбежал на двор и сказал Джонстону: – Поторопитесь, на наш след уже напали.

Брай, покончивший расчеты с хозяином, вышел как раз в это время на лестницу.

– Вальтер, Вальтер! – крикнул Суррей пониженным голосом. – Оглянитесь!

Пельдрам, стоявший со своим товарищем пред домом, увидел Суррея и, тотчас узнав его, воскликнул:

– А!.. Он самый! Это хорошо, Гекки, нам решительно повезло. Пойдем, но имей в виду, что нам придется здесь иметь дело с настоящими мужчинами.

Оба поспешно направились к дому и уже подошли ко входу, когда на лестнице показался Брай.

– Черт возьми! – воскликнул Пельдрам. – И этот еще? Наш урожай будет обилен.

Брай услышал предостерегающий голос Суррея и также сейчас узнал Пельдрама.

– Берегись! – обнажив меч, крикнул он вместо ответа на слова Пельдрама, и прежде чем оба друга успели оглянуться, страшный удар по голове сбросил того окровавленным на землю.

– Вперед, Гекки! – закричал Пельдрам, падая обессиленный.

– Ты – Гекки? – воскликнул Брай, ловко парируя удар своего второго врага. – А, черт побери, с тобой-то и хотелось мне встретиться! Получи это за графа Нортумберленда.

Брай, говоря это, намекал на эпизод, когда Гекки буквально продал только что названного графа, попавшего в его руки.

Удар Вальтера был так меток и силен, что голова прежнего разбойника оказалась почти отрубленной, и он с предсмертным хрипом упал на землю.

– Что случилось? – воскликнул хозяин, выбегая на двор.

Все обитатели дома также столпились у места происшествия.

– Бандиты, разбойники хотели ограбить нас, – ответил Брай. – Нам нет надобности торопиться, друзья.

Суррей также подошел поближе. В это время появился солдат из замка и направился к Суррею.

– Вы должны спешить, – тихо сказал он, – молодая дама в безопасности.

– Задержите этих людей! – простонал Пельдрам.

– Кто же вы? – спросил солдат.

– Пойдемте, Брай, нам лучше уйти!

Брай и Суррей вышли на двор. Лошади были готовы, всадники вскочили на седла и выехали через открытые ворота на улицу, где уже собралась толпа. Вскоре после этого Суррей, Брай и Джонстон далеко оставили за собой Четсуорт.

– А Филли? – спросил тогда Брай.

– Она в безопасности, – ответил Суррей.

– Куда мы направим свой путь?

– Я сам еще не знаю этого.

Гекки скоро испустил свой последний вздох, но Пельдрам быстро оправился, и все происшествие явилось в настоящем освещении. Его полномочия были таковы, что приказания должны были исполняться, а последние клонились к увеличению строгих мер, касавшихся заключения Марии Стюарт.

Вследствие новых распоряжений королева была разлучена со своей свитой, ей оставили только две комнаты и одну женщину для услужения. Случайно выбор пал на Тони.

При обыске в замке, в прежних комнатах Марии и в принадлежавших ей вещах все-таки ничего не нашли.

Присутствия Филли в замке тоже, казалось, никто не замечал; конечно, она держала себя по возможности в тени. Среди людей, не знавших ее, она слыла за служанку леди Джейн Сейтон. К тому же она так изменила свою внешность, что ее и не могли узнать.

Как только явилась возможность, Пельдрам послал свои донесения Берлею.

Глава шестая

Ценная голова

Следствие по делу Норфолка длилось до января 1572 года. Наконец двадцать четвертого числа этого месяца состоялся суд в большом Вестминстерском зале. Норфолка обвиняли в намерении лишить королеву Елизавету престола и жизни, в желании вступить в брак с Марией Стюарт, к которой он, как судья над ней, должен был относиться как к убийце и нарушительнице супружеской верности, а также в изменнических сношениях с папой римским, испанским королем и другими врагами.

После предъявления и признания доказательств, герцогу дано было право защищать себя, что он и исполнил, в общем, с ловкостью, умом и убедительностью. Одно лишь было позорно с его стороны – он с презрением говорил о браке с Марией Стюарт. Но его защитительная речь не увенчалась успехом. После долгого совещания члены суда единогласно приговорили его к смерти. Приговор был объявлен герцогу в тот же день, и он выслушал его спокойно.

– Милорды, – сказал он, – я умираю верным моей королеве, насколько это только возможно. Вы вытолкнули меня из своего круга, но я надеюсь вскоре быть в лучшем кругу. Я не прошу никого из вас ходатайствовать за мою жизнь. Для меня все кончено. Но я прошу вас быть моими заступниками у ее величества, чтобы она не лишила своей доброты моих бедных осиротелых детей, уплатила мои долги и не оставила в нищете моих бедных слуг.

Пред смертью познается настоящий характер человека. Поступив недостойно относительно Марии, Норфолк, несмотря на свою речь на суде, написал еще письмо Елизавете, в котором выражал свое раскаяние, молил о милости и в особенности просил монархиню позаботиться о его детях.

Совершенно иначе поступила Мария по отношению к нему. Вскоре после того, как были увеличены строгости ее заключения и она еще не подозревала, что процесс Норфолка примет столь печальный оборот, она также написала Елизавете, прося о смягчении своей участи, но эта просьба осталась без внимания. Услышав о смертном приговоре Норфолку, Мария плакала день и ночь и объявила, что смерть Норфолка принесет ей более огорчения, чем кончина ее первого супруга Франциска II, которого она все же бесконечно любила.

В эти часы ее скорби Филли удалось пробраться к ней и посоветовать обратиться лично к Елизавете с просьбой о помиловании Норфолка. Мария ухватила за эту мысль и написала трогательное письмо, которое Филли взялась передать.

Храбрая женщина, с вверенным ей письмом, покинула Четсуорт и отправилась в Лондон, прежде всего к своей матери.

Графиня Гертфорд, следившая со вниманием и не без сердечного волнения за текущими событиями, приняла ее с радостью. В это же время Филли написала следующее письмо своему мужу Лестеру:

«Милорд, мой господин и повелитель! Вы, быть может, рассердились на меня за то, что я без Вашего разрешения покинула указанное Вами мне местопребывание, и, быть может, думаете, что вследствие пережитых Вами обстоятельств я изменилась к Вам в своих чувствах. С первым я мирюсь, но второе было бы заблуждением с Вашей стороны. Я ушла с намерением быть Вам полезной, и мне было больно, что Вы не выказали мне доверия, которым наградили дурных, вероломных людей. Моя любовь к Вам осталась неизменной; я готова быть Вам служанкой – всем, чем хотите, как это уж и было. Никогда не бойтесь, что я предъявлю к Вам какие-нибудь требования или претензии. Взамен этого я делаю это для другой особы, страдания которой так же велики, как незаслуженны. С чувством удовлетворения и радости я узнала, что вы не играли никакой деятельной роли во враждебной ей партии. Эта причина дает

мне смелость просить Вас передать прилагаемое письмо несчастной королевы Марии Стюарт в руки королевы английской. В этом письме королева просит о помиловании Норфолка. Ведь герцог был также и Вашим другом. Итак, я по-прежнему близка Вам; прикажите только – и у Вас сейчас же будет Ваша Филли».

Филли присоединила свою записку к письму королевы и послала весь пакет к фавориту Елизаветы со своей матерью.

Когда лорду доложили о графине Гертфорд, он колебался, принять ли ее, но благоразумие решило этот вопрос утвердительно. Лестер все-таки принял графиню холодно, до известной степени вооруженным против всяких требований и упреков; взяв письмо, он вскрыл его, глазами пробежал несколько строк, и то, что он понял, заставило его моментально испугаться. Однако он сейчас же стал читать письмо.

Быть может, Лестер вспоминал прекрасные часы, прожитые им с Филли, так как при чтении его черты становились мягче, нежнее, и несколько раз он глубоко вздохнул.

Прочитав письмо, он долгое время оставался в раздумье, а затем произнес:

– Я постараюсь исполнить желание леди, но скажу прямо – надежды на успех очень мало. Графиня поклонилась.

– Я также желал бы повидать вашу дочь, – продолжал он, – сегодня вечером я навешу ее.

Графиня снова поклонилась и вышла от лорда, чтобы поспешить к дочери и рассказать ей о своем посещении.

Филли была чрезвычайно рада сообщенному известию о визите лорда.

Лестер сдержал слово относительно письма Марии. Правда, он передал его королеве Елизавете не сам, так как это было для него слишком опасно, а доставил его в руки королевы другим способом.

Как и нужно было ожидать, письмо не привело ни к чему. Мария Стюарт была, быть может, самой неподходящей заступницей для герцога Норфолка.

Свидание Лестера с Филли состоялось еще в тот же вечер. Филли была все еще так же красива, как прежде; и при виде ее прежняя страсть снова возгорелась в сердце лорда, и он провел счастливый вечер в доме графини. Но он не ограничился этим. Он объявил, что не желает более отпускать от себя Филли, и было решено сообща, что она вместе с матерью переселится в его замок Кенилворт.

Елизавета долго медлила подписать смертный приговор Норфолку. Не было недостатка в людях, просивших о помиловании и смягчении, но ее сопротивление поддерживалось строгим, неумолимым лордом Берлеем.

Наконец 31 мая 1572 года Елизавета подписала вынесенный Норфолку смертный приговор, а 2 июня 1572 года Лондон снова сделался свидетелем зрелища, которое видел так часто в прежние времена и которое ему предстояло нередко видеть и в будущем.

Ровно в восемь часов утра двери Тауэра отворились, чтобы выпустить Норфолка. На Тауэр-Гилле был воздвигнут для него эшафот. Норфолк вступил на роковой помост спокойно и с достоинством.

По старинному обычаю в Англии преступнику позволялось держать речь пред казнью, и у врат вечности говорилось много замечательного как невинно, так и справедливо осужденными. Норфолк воспользовался правом, которое предоставляло ему это освященное веками обыкновение, и долго говорил к народу, после чего обратился с молитвой к Богу и положил голову на плаху, не позволив завязать себе глаза. Секира палача сверкнула в воздухе, и великому заговору герцога пришел конец.

Во время всех этих событий Мария Стюарт была переведена из Четсуорта в Шеффилд, где содержалась под строгим надзором Шрусбери. Остальные соучастники заговора были наказаны различным образом, хотя не заплатились жизнью; большинство из них постигло изгнание и конфискация имущества. Епископ русский также очутился в числе изгнанников, причем

ему пригрозили жестокой карой, если бы он посмел вернуться обратно. Баллы был схвачен и препровожден за границу.

Зато Кингстону повезло. По ошибке Берлею было доложено о смерти Пельдрама, как и Гекки. Это была значительная потеря для министра. Но так как теперь он освободился от обещания, данного Пельдраму, то подумал о замене последнего. А кто же мог заменить его лучше Кингстона? И вот после переговоров с министром смелый злодей исчез из Тауэра. Когда Пельдрам снова появился, то от него отделались, сообщив ему, что его враг бежал по недосмотру своих сторожей. Позднее мы познакомимся с деятельностью этих обоих искателей приключений и результатом их встречи.

Глава седьмая

Временное затишье

Неудача заговора герцога Норфолка охладила пыл не только шотландцев и англичан, но и почти всех народов Европы.

Некоторое время никто не помышлял о способах освобождения из неволи Марии Стюарт и восстановления ее прав. У нее самой была отнята малейшая власть затеять новые политические интриги, тогда как у ее приверженцев как будто пропала к тому всякая охота.

Между тем политические дела Европы шли своим чередом.

Елизавета подавила восстание на севере своего королевства, заговор герцога Норфолка не удался, и она предупредила грозившие ей опасности. Ее политике удалось разъединить две враждебные ей великие державы на европейском континенте. Елизавета воспользовалась заключенным ею миром с Францией, равно как проектом брачного союза между нею и герцогом Анжуйским, чтобы домогаться союза с французским королем Карлом IX. Путем заключения позднее договора об этом Англия заручилась поддержкой Франции в случае испанского нашествия.

Счастье было на стороне Елизаветы и в Шотландии. Мария Стюарт все еще имела там сильную партию. С тех пор как снова начались военные действия между лэрдами, верными королеве, и лэрдами, верными королю, графа Леннокса постигла участь его предшественника Мюррея: он также был умерщвлен. Вследствие этого знатнейшие лэрды короля были арестованы и спаслись только благодаря случаю. На следующий день они избрали графа Марра, состоявшего воспитателем при молодом короле, преемником графу Ленноксу.

Несмотря на занятие Дамбартона и поддержку королевы Елизаветы, партия короля не могла вполне подорвать партию королевы Марии Стюарт. Последняя заняла, кроме Эдинбурга, замки Нидри, Ливингстон и Блекнесс. Она победоносно сражалась как на севере, так и на востоке Шотландии.

Елизавета решила заставить эту партию добровольно сложить оружие и потому устроила между враждующими партиями перемирие, состоявшееся 20 июля 1572 года. За услуги, которые Елизавета оказала этим делу Иакова VI, она добилась выдачи графа Нортумберленда, который и был казнен в Йорке 25 августа.

Однако в тот момент, когда Елизавета воображала себя в полной безопасности, пришло известие о Варфоломеевской ночи в Париже. Вопль ужаса пронесся по всему королевству. Елизавета созвала свой тайный совет, чтобы обсудить предстоящие мероприятия. Много дней заставила она прождать аудиенции французского посланника Ла-Мотта Фенелона в Оксфорде, куда он прибыл, чтобы оправдать эту кровопролитную резню мнимым открытием заговора протестантов. Когда королева приняла его наконец, она сама, как и члены ее государственного совета, и знатнейшие дамы были облечены во все черное, а ее кабинет походил на погребальный склеп. Ла-Мот Фенелон прошел мимо безмолвной толпы присутствующих и приблизился к Елизавете. Она приняла его с необычайно строгим видом, снова высказала свое отвращение к подобному злодейству и решительно не поверила объяснениям Фенелона. Она отнеслась с удивлением и порицанием к поступку французского короля Карла IX, а на уверения, которые возобновил посланник от имени Карла IX, возразила, что сильно опасается, как бы те, которые склонили французского короля пожертвовать своими наследственными подданными, не заставили его пожертвовать потом иностранной королевой, как она.

Елизавета воображала, что ее предали, и ей казалось, что протестантству грозит большой заговор, к вспышке которого послужила сигналом резня в Париже. По этой причине она заключила союз с Германией, велела вербовать там солдат, укрепила Портсмут, Дувр и остров Уайт,

снарядила десять больших кораблей для крейсирования в Ла-Манше, оказала поддержку протестантам во Франции, строже прежнего следила за католиками в своем королевстве и строила самые пагубные планы относительно королевы Марии Стюарт, на которую возлагались надежды католической партии как в Англии, так и в Шотландии.

После раскрытия заговора герцога Норфолка Елизавета формально заявила, что она не могла бы прожить спокойно ни единого часа, если бы Мария Стюарт снова вступила на престол, и что теперь она приняла твердое решение никогда больше не возвращать ей свободы. Протестантское духовенство доказывало, что смертная казнь шотландской королевы была бы справедлива; законоведы, со своей стороны, доказывали ее законность. Обе палаты парламента хотели предать Марию Стюарт суду; однако Елизавета воспротивилась этому. Чтобы избавить царственную пленницу от преследований подобного рода, парламент был распущен, и правительство удовлетворялось тем, что решило запугать шотландскую королеву подобием обвинения.

Ее подвергли допросу. Она отвечала осторожно, утверждая, что не питала никаких враждебных намерений против Елизаветы, когда задумала вступить в брак с Норфолком, а, посылая Ридольфи к папе Пию V и Филиппу II, имела в виду только освобождение Шотландии. Елизавета, которая нашла ее объяснения неудовлетворительными, не хотела затевать судебный процесс, но после кровопролития Варфоломеевской ночи стала все же помышлять о том, как бы избавиться от Марии. План, начертанный ею с этой целью при помощи Берлея и Лестера, должен был осуществиться в Шотландии, и его доверили одному из самых ловких агентов. В Шотландию отправился Генрих Киллегрю, зять Берлея, с двумя поручениями, одно из которых было явным, а другое тайным. Первое заключалось в том, чтобы привести к окончательному примирению враждующие политические партии, второе – чтобы уговориться с графом Мортонем относительно смерти Марии Стюарт.

Киллегрю должен был дать понять союзникам Елизаветы, что ради общей безопасности Мария Стюарт не может оставаться в живых, но что ее неудобно судить в Англии, а лучше отделаться от нее в Шотландии. С этой целью шотландцы должны были бы потребовать к себе пленную Марию, которая и будет выдана им Елизаветой.

Киллегрю встретил в Шотландии также крайнее волнение по поводу Варфоломеевской ночи. Престарелый Нокс, удалившийся в Сент-Эндрю, снова вернулся в Эдинбург. Хотя вследствие апоплексического удара у него отнялась половина тела, он все же приказал внести себя на кафедру и, будучи терзаем страданиями и разгорячен гневом, громил убийц его протестантских братьев во Франции. Нокс со своими учениками много способствовал тому, что давнишний союз Шотландии с Францией стал делаться все непопулярнее.

Киллегрю воспользовался этим для своих целей; ему удалось убедить графа Мортон в необходимости казни Марии Стюарт; но регент Марра не так легко поддавался убеждениям.

В это же время Киллегрю при поддержке Нокса все более и более вооружал народ против католиков и имел многократные совещания с Марром и Мортонем о «великом деле». Оба графа согласились наконец устранить предмет несогласий, т. е. Марию Стюарт, и даже не позже четырех часов после ее выдачи. Условием этого они поставили следующее: чтобы Елизавета объявила себя защитницей молодого короля Иакова VI, чтобы права последнего не были уменьшены смертью матери, чтобы между обоими королевствами был заключен оборонительный союз, чтобы три тысячи человек из английского войска присутствовали при казни (это была военная сила, которая, соединившись с молодым королем, должна была взять приступом крепость Эдинбурга) и наконец, чтобы эта крепость была уступлена регенту, Англия же заплатила бы шотландскому войску недополученное им жалованье.

Елизавета, по своей скупости, нашла такие условия неприемлемыми. Она очень желала погубить Марию Стюарт, но не имела никакой охоты платить убийцам и выставять себя зачинщицей и соучастницей этого злодейства.

Внезапная смерть регента графа Марра, умершего 28 октября 1573 года в Стирлинге (как полагают, вследствие отравы), задержала эти постыдные переговоры; однако, несмотря на все, переговоры продолжались до 1574 года.

Берлей дал понять королеве, что от Марии Стюарт нужно избавиться в Англии. Елизавета не решилась последовать его совету. Она не велела умертвить Марию Стюарт, но склонилась на свою сторону и совершенно подавила ее партию в Шотландии. Мортон был назначен регентом после умершего графа Марра; в тот самый день, когда он принял бразды правления, скончался Нокс. Этот непреклонный деятель реформации, так много способствовавший своими поучениями религиозному и политическому перевороту в Шотландии, умер, хотя и больной телом, но крепкий духом, в возрасте 67 лет.

Партия королевы Марии после пятилетней бесплодной борьбы значительно обессилела. В ее руках оставалась теперь лишь крепость Эдинбург. Киркэдьди ла Гранж и Летингтон держались в эдинбургской цитадели, где ожидали помощи, обещанной французским двором. Тогда как прочие приверженцы Марии Стюарт, с Гамильтонами и Гордонами во главе, пошли на соглашение, предложенное им Мортонем: эти двое храбрых защитников Эдинбурга, имея в своем распоряжении всего двести солдат, решили сопротивляться до конца. Они не хотели слышать о сдаче, полагаясь на неприступность своей твердыни и ожидаемую помощь французов.

Однако союзники не пришли им на выручку. Против крепости повели правильную осаду. За недостатком средств обороны она не могла оказать продолжительное сопротивление, и вскоре ее мужественные защитники принуждены были сдаться. Летингтон умер в тюрьме, а Киркэдьди ла Гранж был повешен мстительным регентом Мортонем на Крестовой площади Эдинбурга.

С их смертью партия Марии Стюарт в Шотландии окончательно погибла. Королева страшно горевала, часто впадая в уныние. Однако суровость ее заточения несколько смягчили; да и сама она изменила теперь свое поведение и речи. Она старалась кроткими мерами добиваться свободы, которой ей не удалось достичь силой. Вооружась терпением, Мария, прежде высокомерная, красноречивая, беспокойная и смелая, превратилась в кроткую, почти смиренную женщину. Она избегала всего, что могло возбудить подозрительность Елизаветы, и ограничивалась в своих письмах к ней только тем, что относилось к управлению ее вдовьей частью во Франции. Вследствие сырости тюремных стен Марию постиг ревматизм, который мучил ее вместе с хронической болезнью печени. По ее просьбе, ей было разрешено пользоваться минеральными ваннами в Шеффилде.

Вместо того чтобы затевать заговоры в Англии, в Шотландии и на континенте, Мария Стюарт рассеивала скуку неволи, забавляясь птицами и собаками, или же занималась шитьем. Она поручала покупать для нее шелк, атлас, ленты для изящных дамских рукоделий, которые подносила потом, чрез посредство Ла-Мотта Фенелона, королеве Елизавете. При первом известии о том, что последняя благосклонно приняла ее подношения, Мария написала ей о том, как была обрадована такой милостью и как она готова во всем угождать и повиноваться Елизавете. Движимая этим желанием, она часто просила епископа глэзгоуского выписывать ей из Франции то одно, то другое, что можно было поднести в дар Елизавете, как-то: браслеты, зеркало или иные модные новинки. Она радовалась, что эти подарки всегда принимались благосклонно, и тотчас предлагала опять что-нибудь новое. Вот до чего дошла несчастная Мария Стюарт! Эта гордая и беспокойная королева мастерила в тюрьме украшения для той женщины, которая, вопреки международному праву и достоинству короны, лишила ее свободы.

Вместе с тем Мария старалась задобрить также и наиболее важных советников Елизаветы; она просила принца, своего родственника, передавать от нее подарки и изъявления благодарности графу Лестеру, который обещал действовать в ее пользу; Берлею она писала самые дружеские письма и льстила даже беспокойному Валингэму, сделавшемуся статс-секретарем

после назначения Берлея государственным казначеем. Она опасалась беспокойной фантазии этого министра, который, заведя полицией, заботился теперь о безопасности Елизаветы.

После смерти Карла IX на французский престол вступил Генрих III. Сначала он славился мудростью и твердостью, но, сделавшись королем, недолго обнаруживал эти достоинства. Мария Стюарт полагалась на него более всех прочих деверей, которых у нее было трое. Одну минуту она думала, что он вступится за нее энергичнее Карла IX, и просила Генриха не признавать ее сына королем Шотландии. Она желала далее, чтобы он заключил с ней тайный союз и помог ей восстановить свои права, а прежде всего, чтобы он не возобновлял договора, заключенного в апреле 1572 года между Карлом IX и Елизаветой.

Однако около этого же времени Мария лишилась своей главной опоры при французском дворе в лице кардинала Лотарингского, которому была искренне предана из числа своих родственников и к которому питала наибольшее доверие. С его смертью у нее рушилась последняя надежда на поддержку со стороны Генриха III. Этот государь, под руководством своей матери, следовал политике, сделавшей все правление Карла IX тревожным и кровавым. Эта политика лукавства соответствовала наклонностям Екатерины Медичи.

Генрих III возобновил заключенный в 1572 году союз с Англией; тогда Мария Стюарт снова обратилась к Филиппу II и папе чрез посредство епископа росского, которого она снова аккредитовала при римском дворе после его освобождения. Папа Григорий XIII, следовавший планам своего предшественника Пия V и поддерживавший восстание в Ирландии, уговаривал Филиппа II снарядить экспедицию против Англии под начальством дона Хуана Австрийского и предлагал, кроме того, устроить брачный союз между Марией Стюарт и этим молодым принцем. Однако это не увенчалось успехом. Филипп II остался равнодушен к этим планам, несмотря на часто возобновляемое предложение Марии Стюарт выдать ему своего сына. Королева замышляла не только передать своего сына, как залог католичества, королю Филиппу, но хотела даже лишить наследства своего ребенка и перенести его права на могущественного защитника католической веры в Европе.

Частые приступы ее болезней, окружавшие ее в неволе, опасности и возможные последствия затеваемых ею заговоров принудили Марию Стюарт составить завещание. Оно было весьма обширно, и в нем она прежде всего заявляла, что оставит свой престол сыну лишь при том условии, если он отречется от учения Кальвина, принятого им по внушению приближенных, и пожелает вернуться в лоно католической церкви.

Тем временем всякий проблеск надежды на лучшее будущее погас для Марии Стюарт, и она не рассчитывала больше ни на чью поддержку и участие, за исключением не особенно могущественных Гизов, которые много обещали, но были бессильны сдержать свои обещания.

Только в 1581 году, после свержения Мортон, Мария снова приступила к борьбе. В продолжение пяти лет своего регентства Мортон поддерживал мир в Шотландии; в течение этого времени в ней не возникали новые политические партии и не возобновлялись старые раздоры. При таких благоприятных условиях росло благосостояние страны. Городская промышленность развивалась, флот прибавлялся, народное благополучие увеличивалось, и столь счастливая перемена в Шотландии возбуждала удивление и почти зависть посланников Елизаветы. Однако оставаться долгое время в спокойствии и подчинении было не в духе и не в нравах шотландского дворянства; ему надоело повиноваться Мортону, ненасытная скупость и крайнее высокомерие которого способствовали успеху новых заговоров.

Александр Эрскин, гувернер короля, и Бэченан, один из королевских опекунов, заключили между собою союз с целью ниспровергнуть Мортон. К этому союзу примкнули многие из значительнейших представителей старой партии; с общего согласия они отрешили Мортон от регентства в 1578 году и утвердили Иакова VI, не достигшего еще одиннадцатилетнего возраста, в королевских правах, пользование которыми союзники разделили между собою. Мортон по наружности спокойно подчинился своему отрешению и после того, как им самим было

провозглашено в Эдинбурге непосредственное управление короля, он добровольно удалился в замок Далькейт, отрекся, по-видимому, от всяких честолюбивых помыслов и предан мирным занятиям. Но втайне он готовил ниспровержение тех, которые низложили его.

Не прошло и двух месяцев, как этот хитрый и предприимчивый вельможа снова поднялся с редкой смелостью и полнейшим успехом. При поддержке своих союзников он овладел замком Стирлинг и спорной особю юного короля. От восстановления регентства Мортон отказался, но от имени парламента, который под его руководством и влиянием собрался в замке Стирлинге, он составил государственный совет для ведения общественных дел; высшее руководство советом было передано ему, тогда как на словах авторитет Иакова VI оставался в прежней силе. Снова облеченный королевской властью, хотя и в иной форме, Мортон отчасти поладил со своими врагами.

Тем не менее против него готовилась более решительная революция. Она была делом двоих молодых шотландцев, которые, незадолго пред тем прибыв с континента, сумели приобрести доверие Иакова VI и сделались его любимцами. Мэтью Стюарт, известный под именем д'Обиньи, кавалер привлекательной наружности и пленительного ума, утонченных и мягких привычек, покинул французский двор, где он был воспитан, и появился в 1579 году при шотландском дворе с тайным поручением от герцога Гиза. Он был католик, и ему предстояло заменить герцога Этоля в качестве главы политической партии, которая осталась верна старинной религии страны и ее королевскому роду. Иаков VI, приходившийся двоюродным братом Мэтью Стюарту, принял его чрезвычайно приветливо, привязался к нему, назначил его своим камергером и дал ему титул графа Леннокса. Такое внезапное повышение встревожило Мортон и Елизавету. Они подозревали намерения нового любимца; он подвергался нападкам партии ревностных пресвитериан в качестве католика, а в то же время английская партия обвиняла его в том, что он замышляет овладеть королем, чтобы увезти его в Дамбартон, а оттуда за границу. Это подозрение было не безосновательно, так как в 1579 и 1580 годах Мария Стюарт только и думала о том, чтобы удалить своего сына из Шотландии. Однако Елизавета, уведомленная Мртоном, приняла свои меры.

Стюарта поддерживал другой шотландец, превосходивший его смелостью и ловкостью. Это был лэрд Джеймс Очилтрен. Он в качестве искателя приключений участвовал в войнах на континенте, а после своего возвращения в Шотландию был сделан капитаном королевской гвардии. Любимый своим повелителем и действовавший заодно с дворянской партией, враждебной Мортону, капитан Очилтрен обвинил бывшего регента в соучастии в убийстве Дарнлея и приказал арестовать его прямо в собрании государственного совета и в присутствии самого короля. Этот крайне смелый шаг увенчался полным успехом и возвестил предстоящее падение английской партии в Шотландии.

Елизавета была в сильнейшей степени поражена случившимся; она не упустила ничего, чтобы спасти Мортон, но все было напрасно. Арестованный в декабре 1580 года Мортон был приговорен к обезглавлению 2 июня 1581 года за участие в заговоре против отца короля. Он сознался, что знал о готовившемся покушении на Дарнлея, однако не принимал в нем участия; выдать заговорщиков он не посмел и не мог, потому что все, по его словам, происходило с согласия и под руководством королевы Марии. Мортон умер с мрачной энергией пресвитерианца.

Партия Мортон была ниспровергнута, а большую часть его родственников и друзей постигли смертные приговоры и другие тяжкие наказания; более счастливые из них успели бежать; главному противнику Мортон, д'Обиньи, Иаков VI даровал титул герцога Леннокса, а его обвинителя Очилтрена сделал графом Арранским, отдал графство Мортон католику Максвеллу, графство Оркней – графу Марчу, а лорда Рутвена сделал графом Говрином.

При известии о смерти Мортон Мария Стюарт почувствовала, что ее жажда мщения удовлетворена, и у нее мелькнула надежда на благоприятный переворот в ее собственной

судьбе. С Ленноксом, которому королева прежде не доверяла, она вошла теперь в сношения. Мария долгое время не соглашалась признать королевский титул за своим сыном и предложить католическим державам сделать то же самое. Но тут она приняла наконец проект совместного управления страной, по которому ее сын, в силу ее нового – на этот раз добровольного – решения, должен был принять королевский сан и править вместе с нею. Мария Стюарт уполномочила герцога Гиза устроить и завершить это соглашение.

Но, кроме названного плана, который не было уже надобности скрывать, назревал другой, безусловно, тайный. Этот план, набросанный иезуитами, одобренный папой, принятый Ленноксом и получивший согласие шотландского короля, а также обеспеченный содействием лотарингского дома и военной помощью короля Испании, заключался в том, чтобы сделать Шотландию снова католической страной, а Марию Стюарт освободить и возвести вновь на трон.

Возникновение этого плана положило предел временному затишью в деятельных стремлениях Марии Стюарт вернуть себе свободу. То был для нее период бессилия, безнадежности и нравственного угнетения, который как будто сделал королеву совершенно безвредной. На самом же деле было не то. При первом проблеске новой надежды Мария воспрянула духом и в короткое время развила деятельность, которую можно назвать грандиозной и которая грозила вновь прежними опасностями ее противнице.

Глава восьмая

Тайная полиция Валингэма

По некоторым причинам Берлей, назначенный государственным казначеем, не находил возможным доверять парламенту. Вероятно, последний не вполне согласовался с его волей в процессе против сообщников Норфолка, а это было неудобно для первого сановника в королевстве, хотя обыкновенно суд проявлял большую жестокость в своих приговорах.

Вдобавок Берлею было действительно слишком трудно, сверх собственных занятий, заведовать еще и полицией. Поэтому он почувствовал необходимость передать должность главного начальника полиции надежному человеку; и счастье благоприятствовало ему в данном случае, он нашел для себя вполне подходящего заместителя в лице своего зятя Валингэма, который успел возвыситься тем временем до звания статс-секретаря. Берлей дал ему приказ завести собственную полицию, причем рекомендовал для услуг вне пределов Англии известного нам Кингстона.

Валингэм принялся исполнять полученное им поручение с большим рвением и удовольствием, а Кингстон отправился во Францию, откуда он долго переписывался со своим патроном, пока нашел своевременным доложить ему, что им необходимо потолковать между собой лично. Валингэм назначил своему агенту свидание и ожидал его в условленном месте однажды вечером, осенью 1582 года. Кингстон явился скоро и был приведен к статс-секретарю.

По наружности Кингстон смахивал теперь на честного, зажиточного горожанина, и Валингэм невольно расхохотался над простодушным видом своего подчиненного, которому он, впрочем, не особенно доверял. После обычного приветствия он предложил Кингстону представить ему отчет о своей деятельности.

– Я должен начать издавна, милорд, – сказал Кингстон. – Мои прежние сообщения нужно дополнить, чтобы сделать понятным дальнейшее.

– К делу! – ответил Валингэм. – У меня как раз столько времени для нашего разговора, сколько нужно.

Кингстон тотчас же стал сообщать, в каком положении находится дело заговора о новом вступлении Марии Стюарт на трон. Во главе этого заговора встали иезуиты, причем ими посланы в Англию и Шотландию специальные эмиссары, во главе которых стоял и Роберт Персонс и Эдмунд Кэмпбиан. Они, работая в пользу расширения папской власти, состоят в связи с Гизами и имеют обещание Филиппа II Испанского на выдачу денег, необходимых для освобождения Марии. С другой стороны к герцогу Ленноксу посланы иезуиты Крейтон и Голт для того, чтобы условиться, как привести в исполнение задуманное дело.

Валингэм, услышав это, поблагодарил Кингстона за сообщение и спросил, как же можно было бы поработать против этого заговора.

– Для этого прежде всего необходимо изловить иезуитов и под пыткой добиться у них признания, – ответил Кингстон.

– Но где же их найти?

– Кэмпбиан находится в Шеффилде, вблизи Марии Стюарт, и потому нужно особенно внимательно наблюдать за нею. Далее следует занять войсками шотландскую границу и предложить лорду Берлею участие в этой работе против заговора.

– Это ловко придумано, и, по-моему, вы правы! – сказал Валингэм.

Кингстон улыбувшись произнес:

– Милорд, могу ли я позволить себе один вопрос?

– Разумеется.

– Милорд Берлей и Лестер в данную минуту как будто не особенно ладят между собою?

– Ах... это обстоятельство...

– В высшей степени интересует меня, милорд, – подхватил Кингстон. – Между Лестером и мною также не все еще выяснено; я не могу забыть, что во время процесса Норфолка он не помог мне выкарабкаться из беды, и если я разузнаю все, а самое главное, если получу позволение лорда Берлея, то могу сыграть с ним такую штуку, что все мы останемся вполне довольны.

– Не стану отрицать, сэр, между этими двумя сановниками действительно замечается некоторая холодность.

– Проистекающая из того, что наша повелительница до такой степени благоволит к лорду Лестеру, что он позволяет себе возноситься... Не правда ли?

– Вы, должно быть, состоите в союзе с сатаной?

– Я – тайный агент вашей светлости.

– Хорошо, хорошо, и, как я вижу, вы – хороший образец этой породы!

– Итак, я хотел бы попросить, чтобы меня тайно, – потому что у меня все должно быть тайной, – допустили к королеве.

– Но... ведь вы изгнаны из страны... Приказ о вашем изгнании не отменен.

– Это – ваша вина, милорд, и притом большая. Но дайте мне только письменное удостоверение, что я состою на вашей службе и принес на своем посту значительную пользу. С этим удостоверением в руках я предстану пред королевой и, пять минут спустя, буду настолько же вправе находиться в пределах Англии, насколько и сама королева.

– Это кажется мне рискованным... Подобный шаг опасен как для вас, так и для меня.

Кингстон улыбнулся.

– Тем не менее вы велели мне явиться и приняли меня. Конечно, вы полагали, что можете пожертвовать мною, если нельзя иначе. Но это послужило бы лишь ко вреду и вам, чтобы не сказать более. Между тем мы можем вдобавок пойти на сделку. Выдайте мне удостоверение, а я дам вам письменный документ, не лишенный ценности.

– Вы хотите торговаться? Но ведь вам платят за ваши услуги.

– Все это прекрасно, однако определять их границу предоставлено мне самому. Я достаточно сделал за полученные мною деньги, а за этот письменный документ желаю получить от вас свидетельство.

Кингстон показал министру письмо.

– Оно важно? – спросил тот.

– Важнее свидетельства. В нем сказано следующее: «Ваш король и папа, судя по тому, что говорил иезуит, кажется, желают воспользоваться моими услугами, чтобы осуществить задуманный ими план относительно восстановления католичества в Шотландии и освобождения шотландской королевы».

– Кто это пишет? – резко спросил Валингэм.

– Герцог Леннокс!

Кингстон отдал листок статс-секретарю, и тот прочитал его до конца. Агент посматривал на него с насмешливой улыбкой во время чтения.

– Это весьма ценно! – сказал Валингэм.

– Да, милорд. Пожалуйте же мне свидетельство!

Министр подсел к столу и написал требуемый документ; за неимением казенной печати он воспользовался своим перстнем с гербом и передал листок Кингстону.

Последний принял его с поклоном и произнес:

– У меня еще есть к вам просьба! Не может ли лорд Берлей провести меня к королеве без предварительного доклада о том, кто я таков!

– Хорошо... Но я не могу тут ничего решить.

– Вот это второе письмо послужит мне залогом успеха! – продолжал Кингстон, передавая министру новый документ.

– Ага, – воскликнул тот, – от Леннокса к королеве Марии... весь план заговорщиков. Вы – очень полезный человек!

– Таким я был всегда, – сказал Кингстон, – меня только не умели ценить!

– Этот упрек не должен относиться ко мне, сэр, – воскликнул министр. – Ваша просьба уважена; приходите ко мне завтра вечером, мы потолкуем с вами еще.

Кингстон поклонился и покинул комнату и дом.

Вскоре после него вышел оттуда и Валингэм, в сопровождении слуги. За ними обоими последовал украдкой человек до самого дома Валингэма; он, несомненно, наблюдал за домом, где происходило тайное свидание.

– Пусть меня повесят, – пробормотал этот шпион, – если статс-секретарь не совещался здесь с отчаянным малым Кингстоном. Но мы скорехонько разнюхаем дело до тонкости.

Этим шпионом был Пельдрам. Полиция парламента подсматривала за полицией государственного казначея, и наоборот.

На следующий вечер Кингстон, как ему было приказано, явился к своему начальнику, и тот, уже одетый для отправления ко двору, велел ему следовать за собой.

Во дворце Кингстона привели в комнаты королевы, и он предстал пред нею в том самом кабинете, где Елизавета так часто принимала его бывшего господина, графа Лестера. Кингстон немедленно бросился на колени.

По весьма понятным причинам, королева держалась от него в отдалении, но комната была так ярко освещена множеством свечей, что она легко могла узнать посетителя.

– Ваши черты как будто знакомы мне, – сказала она, внимательно всмотревшись в Кингстона. – Должно быть, я видела вас раньше.

– Человек подвержен перемене времени, и я не избег этого закона, – ответил Кингстон, – но последние двенадцать лет не коснулись моей высокой повелительницы. Вы, ваше величество, именно столько времени тому назад подарили меня милостивым взором.

Кингстон умел вести свою линию. Он ловко затронул тщеславие женщины такую с виду грубой, но на самом деле тонко обдуманной лестью. Однако Елизавета как будто пропустила ее мимо ушей.

– Кто же вы такой? – задала она вопрос.

– Верный слуга вашего величества! Позвольте пока остаться при этом определении.

– Ах, кажется, вы хотите здесь повелевать?!

– И не думаю... но мне, я полагаю, позволительно надеяться, что ваши министры уже успели сообщить вам, ваше величество, о замыслах ваших врагов, открытых благодаря мне.

– Эти сообщения вообще рекомендуют вас, – поспешно сказала королева. – Вы желаете дополнить их?

– Не соблаговолите ли вы, ваше величество, принять и просмотреть вот эти два документа?

Елизавета колебалась некоторое время, но вид и обращение незнакомца не внушали никаких опасений. Она подошла к нему ближе и взяла оба письма, после чего снова удалилась, чтобы приняться за чтение.

Вдруг с нею произошла резкая перемена, едва только она бросила взор на одну из бумаг. Это было совершенно понятно. Одна из них представляла собою письмо Марии Стюарт к Мендозе. Другая была ответом ей этого посланника Филиппа II при английском дворе. Оба письма касались затеянного заговора.

Грудь королевы бурно колыхалась во время чтения.

– Я обязана вам большой благодарностью, – сказала она Кингстону. – Встаньте!.. Кто вы такой?

– Ваше величество, предварительно еще одно слово, – сказал Кингстон. – Священник Кэмпбиан, переодетый зубным врачом, служит посредником для передачи писем между Марией Стюарт и послом Мендозой. За зеркалом в комнате последнего спрятана переписка заговорщиков.

– Благодарю... благодарю вас!.. Ваша верность должна быть награждена. Ну а теперь ваше имя!

– Оно находится в этом документе, – ответил Кингстон, подавая королеве бумагу, написанную Валингэмом. Елизавета бросила на нее беглый взгляд.

– Кингстон? – воскликнула она с совершенно особенным выражением, не поддающимся описанию.

Трудно было бы описать и быструю неоднократную перемену в чертах государыни, которая, очевидно, выдерживала жестокую внутреннюю борьбу.

– Да, я – Кингстон, – ответил тот после короткой паузы, так как Елизавета не прибавила ни слова к своему возгласу. – Я – ваш всеподданнейший слуга и прошу только об одной милости! Дозвольте мне служить и дальше вам, ваше величество, так как я рассчитываю в скором времени предать Кэмпбиана в руки правосудия.

Хитрец ловко вел свою игру. Елизавета, пожалуй, успела уже тем временем сообразить, что Берлей неспроста прислал ей этого человека.

– Правда, – пробормотала она, – ваши прежние проступки должны быть забыты ради услуг, которые вы оказали нам. Не рассчитывайте, однако, на награду за них... Встаньте!..

– Я уже награжден вашей милостью! – не вставая с колен, возразил Кингстон, может быть, не без досады на скупость государыни. – Но у меня есть еще одна просьба к вам, ваше величество.

– Я согласна выслушать ее, – ответила Елизавета.

– То, что я сделал раньше для лорда Лестера, было сделано мною ради его спасения; я принес жертву, которую он принял, но за которую я никогда не видел от него признательности. Ведь он действительно вступил в брак с леди Филли Бэклей.

Королева на минуту задумалась, а затем сказала:

– Я разгадала вас, но самопожертвованию в пользу вашего господина равнялась ваша дерзость против вашей королевы; вы не заслужили награды.

– А может быть, я удостоюсь ее, когда доложу, что супруга графа Лестера вот уже десять лет живет в его замке Кенилворт, принимает там его у себя и вообще пользуется всеми своими правами.

– Правда ли это? – воскликнула Елизавета таким голосом, который походил почти на страдальческий вопль.

– Это верно, – подтвердил Кингстон. – Вы сами, ваше величество, могли бы убедиться в справедливости моих слов, если бы в той местности случайно устроилась охота. А до тех пор я буду наблюдать за охотничьим замком, чтобы не допустить удаления этой особы.

– Это вы из мести предаете Лестера?

– Я не предаю лорда, ваше величество, а только доношу по долгу верноподданного вам, моей повелительнице, что он изменяет вам; кто не верен в одном, тому не трудно при случае дойти до измены и в другом.

Елизавета размышляла некоторое время.

– Правда, – сказала, наконец, она вполголоса, – моя слабость навлекла на себя жестокую кару. Молчите о своих сообщениях, наблюдайте за Кенилвортским замком и доносите мне! Но это не самое главное; первым долгом заботьтесь об исполнении приказов лордов Берлея и Валингэма. Вы отпущены.

Кингстон покинул королеву. В аванзале он столкнулся с обоими министрами, с которыми обменялся несколькими словами, после чего они оба отправились к своей повелительнице,

тогда как Кингстон поспешил к себе на квартиру, а затем в скором времени покинул и ее в ночную пору и пустился в путь, направляясь в Шеффилд.

Спустя некоторое время лорду Лестеру доложили о приходе агента парламентской полиции.

Название тайного судилища для политических и уголовных преступлений звучало грозно даже для высших сановников государства. Поэтому Лестер немедленно принял посетителя и, к своему удивлению, тотчас узнал его. Пред ним стоял Пельдрам.

– Как вы осмелились? – с досадой воскликнул Лестер.

– Милорд, мое теперешнее звание должно было бы послужить вам достаточным ответом, – сказал Пельдрам. – Но я пришел не по долгу службы, а в ваших интересах.

– Как... в моих интересах?

– Именно так, милорд... Это побудило меня еще много лет назад уничтожить змею, которую вы пригрели у своей груди и которая замышляла вашу гибель.

– Вы намекаете на Кингстона?

– Разумеется, милорд. Не скрою, я действовал не бескорыстно, потому что хотел поступить на его место, но я служил бы вам верой и правдой, на что готов еще и теперь.

– Допустим, что я поверил бы вам; в чем же заключалась бы тогда услуга, которую вы намерены оказать мне?

– Прежде всего в сообщении, что Кингстон принадлежит к полиции Валингэма и попал на службу при содействии лорда Берлея.

– Ах... неужели?

– Да, милорд... Затем скажу вам еще, что в настоящее время Кингстон наблюдает за Кенилвортским замком, а это немаловажно.

– Боже мой! – воскликнул Лестер.

– Тот человек – мой заклятый враг, отмстить ему – цель моей жизни. В настоящее время он мне недоступен, но я желал бы вредить ему, в чем возможно. Я знаю, что происходит в замке, и догадываюсь, по чьему приказу находится там Кингстон. Может быть, вы еще в состоянии помешать замыслам ваших врагов?

Лестер тяжело вздохнул и задумался.

– Благодарю вас, Пельдрам, – сказал он наконец, – мы еще увидимся с вами. Надеюсь, что мне удастся все уладить. Но пока я остаюсь вашим должником.

Пельдрам поклонился и вышел.

Лестер сел к письменному столу и поспешно написал письмо, которое тотчас отправил с верховным гонцом. Сам же он переоделся и поехал в Вестминстер. У него было на уме получить на некоторое время отпуск, чтобы посмотреть самому, как поступить для сокрытия связи, которая так долго оставалась необнаруженной, что он почти перестал опасаться ее разоблачения.

Глава девятая

Насилие

Прежде чем описать катастрофу, которая, в сущности, осталась совершенно невыясненной, но которая важна для нашего рассказа, потому что вследствие ее Филли бесследно исчезла со сцены, нам необходимо сначала сообщить о ходе и значительности нового заговора в пользу Марии Стюарт с той поры, как Кингстон посвятил кого следовало в свои открытия.

Хотя арест, процесс и казнь Кэмпбиана были крупной неудачей для заговорщиков, однако, когда им стало известно, что он ничего не выдал, они успокоились. Кроме того, Пэрсонс благополучно вернулся из Англии, чтобы сообщить о настроении народа. Приверженцы Марии Стюарт решительно не догадывались, насколько посвящены в заговор их противники. Пэрсонс уехал обратно в Шотландию с деньгами, собранными на общее дело, а в то же время Гизы все энергичнее вели дело заговора к его осуществлению.

Между тем Валингэм имел повсюду своих шпионов. Секретарь французского посланника был подкуплен; посланник Иакова VI предал сам своего повелителя; один из слуг Леннокса играл роль предателя по отношению к нему.

Помимо всех этих планов, составилась еще один более ограниченный союз, имевший целью умерщвление Елизаветы. В состав его входили лорды Арден и Соммервиль, а также священник Голл. Союзникам много содействовал в Англии сэр Фрэнсис Трогмортон, сын бывшего посланника Елизаветы при дворе Марии Стюарт; он был арестован первым. За ним последовали граф Нортумберленд с сыном, граф Эрондель, его жена, дядя и брат. Лорду Паджету и Чарльзу Эронделю удалось бежать. Трогмортон трижды подвергали пытке, но он не сознался ни в чем до самой смерти, которую принял на эшафоте. Крейтон и прочие арестованные священники также были казнены.

Около этого же времени распространилась безумная молва о любовных похождениях Елизаветы и ее безнравственных поступках, что жестоко возмутило королеву.

Конечно, этот разговор только ухудшил положение Марии Стюарт, и, несмотря на ее жалобные письма к Елизавете, последняя приказала перевезти ее в замок Уитфилд, а затем в еще более мрачный замок Тильбери.

В разгаре всех этих прискорбных, грустных и угрожающих событий случилось то, что Лестер совершил или приказал совершить деяние, которое, несмотря на смутность сведений о нем, заклеило навеки этого любимца Елизаветы; сама же королева приняла происшедшее как удовлетворение для себя, вопреки всякой женственности.

Филли занимала по праву положение супруги Лестера и в течение нескольких лет подарила ему двоих детей. Мать находилась при ней, и вся маленькая семья жила тихо и спокойно в отдаленном охотничьем замке Кенилворт, где уединение обитателей нарушалось только редкими посещениями Лестера.

Суррей и Брай наконец нашли Филли; но когда она заявила, что желает всецело посвятить свою жизнь супругу, то они удалились и в сопровождении Джонстона покинули Британию вообще, чтобы поступить на военную службу за границей. Однако слухи о замышляемой казни Марии Стюарт, уже тогда носившиеся в Европе, впоследствии снова привели их обратно.

Мать Филли через некоторое время умерла и была погребена и оплакана дочерью и внуками. Филли, насколько известно, исключительно занималась воспитанием своих детей.

Так сложились обстоятельства Лестера с этой стороны, когда Пельдрам, как мы видели, предостерег его, и граф принял какое-то решение.

Несколько ограниченный, Лестер пока воображал, что имеет дело лишь с Берлеем и Валингэмом, и самомнение нашептывало ему, что в данное время он может вступить в борьбу

с ними обоими. Поэтому граф, отправившись в Вестминстер, обошелся с Берлеем довольно резко, на что, однако, лорд Сесиль только улыбнулся.

Валингэм заговорил с Лестером, но тот так неучтиво оборвал его, что статс-секретарь был почти готов рассердиться; однако он вскоре овладел собою, и когда граф пристальнее всмотрелся в его черты, то ему стало ясно, что он сдерживается лишь в надежде на удовлетворение иного рода.

На аудиенции королевы в тот день не произошло ничего особенного; только в заключение Берлей подал Елизавете депеши, которые приходилось считать тайными, так как их содержание не обсуждалось на совете.

Когда Елизавета удалилась в свои апартаменты, лорд Лестер по обыкновению последовал за нею; королева сначала прочла депеши, прежде чем обратить к нему взор, а когда наконец взглянула на него, то ее глаза были строги и словно пронизывали виновного.

– Ваше величество, – сказал Лестер, увидав в этом предлог к разговору, – я принужден просить о кратком отпуске.

– Вот как? – промолвила Елизавета. – Разве вы опять больны? Насколько я заметила, вы заболеваете через правильные промежутки времени. Ах, если бы я могла также ссылаться на болезни!.. Но это недопустимо для меня!..

– На этот раз неотложные дела призывают меня в мои поместья.

– А куда именно собираетесь вы ехать?

– В мои владения в восточной части графства, ваше величество.

– Кажется, у вас там обширные, прекрасные леса?

– Молва часто бывает обманчива!

– В этих лесах есть красивые охотничьи замки?

– Замки, да, но не из красивых, ваше величество.

– Как вы думаете, не вправе ли я воспользоваться отдыхом при таком множестве занятий и среди стольких треволнений?

Лестер чутко насторожился и уклончиво ответил:

– Никто не может помешать в том вам, ваше величество!

– А мой долг? – возразила королева. – Но я хочу попробовать, не удастся ли мне успокоить свою совесть; право, я сделаю так! Когда вы собираетесь ехать?

– Завтра же утром.

– Не можете ли вы подождать до послезавтра?

– Если вам, ваше величество, угодно...

– Прошу вас, Дэдлей!

– Я повинуюсь.

– Ну, тогда я напрошусь к вам на неделю в гости. Чтобы воспользоваться удовольствием охоты, мы можем поселиться... ну, хотя бы в Кенилворте. Послезавтра мы покинем Лондон.

Королева подала рукою знак и отвернулась. Лестер был отпущен этим жестом и не посмел больше обращаться к ней с речью. Ему казалось, будто его ударили по голове, – до такой степени был он ошеломлен.

По возвращении домой граф тотчас же послал за Пельдрамом и, когда тот пришел, объявил ему, что желает знать, каким образом наблюдают за Кенилвортом и тою местностью, где расположен замок.

– Я буду там с достаточным количеством людей, – сказал агент, – но боюсь, что мне не удастся сделать многое, так как нам могут помешать именем королевы.

Лестер не ожидал ответа на свое письмо и не получил его; вскоре стало известно, что королева покинет на неделю свою столицу, для чего поспешно приступили к сборам и приготовлениям. Особенно усердно принимались меры безопасности, и в назначенное время королевский двор покинул Лондон.

То, что должен был выстрадать Лестер во время этой поездки, не поддается описанию. Его личность и каждый его шаг подвергались строжайшему наблюдению, точно он был пленником. Вместо того чтобы ехать прямо в Кенилворт, Елизавета расположилась на ночлег в деревне, немного не доезжая замка. Туда прибыли только на другой день пред полуднем, к завтраку.

Напрасно пытался Лестер тихомолком войти в сношение со своими людьми, — его не допустили до этого. После завтрака Елизавета потребовала, чтобы ей показали всю внутренность замка, который уже сильно обветшал. Лестер должен был водить ее повсюду сам.

Пройдя анфиладу комнат, царственная гостья дошла до запертой двери, которую Лестер хотел миновать.

— Куда ведет эта дверь? — спросила Елизавета.

— Там старинные комнаты, куда входили редко или даже совсем не входили в последнее время, — ответил Лестер. — Я сам никогда не видал их; говорят, там жутко...

Королева окинула взором высокие своды дверей, массивные дубовые доски и, покачав головой, промолвила:

— Я мало верю сказкам про старинные замки, поэтому прикажите отворить этот вход; мне интересно знать, что скрывается за ним...

Лестер был бледен, как смерть; однако он велел позвать дворецкого и приказал ему отворить дверь. Тот, поискав дрожащими руками ключ, отпер замок, трясаясь, как лист.

Еще во время отпирания раздался громоподобный, оглушительный треск, от которого дрогнули и пол, и каменные стены. Почти у всех вырвался возглас удивления. Смотритель замка толкнул одну половинку дверей и отскочил назад.

С первого взгляда можно было убедиться, что за этой дверью скрывалась внутренность одной из замковых башен, но в этом помещении не было ни пола, ни потолка; вверх виднелись башенные зубцы, под ногами зрителей зияла темная, мрачная пропасть, откуда доносился глухой шум. Королева стояла окаменев от ужаса, как и все ее провожатые; Лестер походил на мертвеца.

— Покинем этот замок, — воскликнула наконец Елизавета, бросая зоркий взгляд на графа, — я не могла бы ни секунды долее чувствовать себя здесь в безопасности!

Королева ушла, за нею последовала ее свита, а позади всех шел Лестер неверными, дрожащими шагами.

Из охоты ничего не вышло; все тотчас же возвратились в Лондон, и Елизавета никогда, ни единым словом не напоминала Лестеру о случившемся. Она, вероятно, думала, что он жестоко наказан, так же как и она жестоко отмищена сопернице, которая, несмотря на свое убожество, бедность и низкое происхождение, одержала победу над богатой, красивой, знатной королевой.

Как уже известно, Филли совершенно исчезла с лица земли с того момента. В лучшем случае можно было предположить, что Лестер впоследствии укрыл ее и детей в более надежном месте. Но продолжительная болезнь, которой он подвергся после упомянутого события, заставляет предполагать худшее.

Кенилворт был, во всяком случае, одним из ужаснейших сооружений седой старины. Будучи первоначально итальянским изобретением, оно затем быстро распространилось по всей Европе и служило для целей бесследного исчезновения людей. Возможно, что Лестер отдал приказание, в случае открытия убежища его семьи в башне, погубить их всех. Возможно также, что он доверил тайну Филли, и она мужественно решила лучше погубить себя и детей, нежели еще раз поставить своего возлюбленного супруга в затруднительное положение ради себя. Однако достоверных сведений не имелось, все предположения были малообоснованны; а Кенилвортская башня продолжала наводить ужас на население страны.

Удивленный столь быстрым отъездом двора, Кингстон навел в замке справки о причинах этого. Результаты, по-видимому, мало соответствовали его желаниям, так как он велел и

своим людям немедленно отправиться в Лондон, сам же уехал иным путем. Углубившись в свои мысли, он не заметил, как встретился с тремя людьми, и испуганно поднял свой взор на них при их внезапном появлении.

Все трое встретившиеся были верхом, как и он, и смотрели на него испытующим взглядом; он сделал то же самое.

– Черт возьми! – воскликнул один из них. – Это – он!

– Брай! – вырвалось из уст Кингстона.

– Да, негодяй, это – я! – воскликнул тот.

Все стремительно обнажили свои мечи.

– Я вас арестую, – крикнул Кингстон, – именем королевы вы – мои пленники!

– Думай только о себе, негодяй! – крикнул Брай, пришпорив свою лошадь.

Кингстон быстро сообразил, что ему следует предпринять. Он отлично знал, что эти люди не сдадутся ему добровольно, поэтому его задачей было привлечь их поближе к своим людям и тогда уже с их помощью принудить к сдаче. С этой целью он повернул своего коня обратно и ускакал; остальные, казалось, готовы были попасть в западню и последовали за ним.

Погоня велась некоторое время по низкому кустарнику, затем на открытой плоскости и наконец перешла в большой лес.

– Стой! – раздалось внезапно.

Кингстон, бывший впереди, смутился; в тот же момент оживился весь лес; со всех сторон надвигались более пятидесяти всадников и окружили как преследуемого, так и преследующих.

– Стой! – слышался вторично тот же голос. – Именем закона я вас арестую!

То говорил Пельдрам.

– Пельдрам! – простонал Кингстон, как громом пораженный.

– Совершенно верно! Мы знаем друг друга. Ваше оружие, господа!

– Проклятие! – воскликнул Брай. – Как поступить, милорд Суррей?

– Безразлично, – сказал граф. – Да ведь мы не можем вступить в борьбу с таким отрядом.

– Ну, к черту в таком случае! – крикнул старый забияка, бросая свое оружие. – Я довольно уже пожил!

Пельдрам принял оружие от троих; когда он потребовал его и от Кингстона, тот заявил:

– Я состою на государственной службе!

– Это после выяснится! – заметил Пельдрам.

Он хотел доставить себе удовольствие арестовать и под конвоем отвезти в Лондон столь ненавистного ему человека. Отряд вместе с пленниками направился в столицу.

Глава десятая

Тюремщик

На одной из равнин графства Стаффордшир находится одинокий холм, на вершине которого в старину стоял укрепленный замок Тильбери.

Была зима. Сугробы снега покрывали землю, резкий ветер завывал вокруг старого замка и, носясь по обширной равнине, вздымал и кружил снежинки.

С юга по равнине тянулся отряд всадников, численностью около пятидесяти лошадей. Во главе отряда ехали два человека, совершенно различных по внешности. Один из них был высокий, несколько угловатый. Его лицо носило отпечаток суровости и строгости, т. е. черты пуританина, какими изобиловало последующее поколение. Звали его рыцарь Эмиас Полэт. Спутник рыцаря, одновременно и подчиненный и помощник в его делах, с которыми мы познакомимся впоследствии, был несколько ниже ростом и плотнее сложен; несмотря на досаду, вызванную дурной погодой, черты его лица обличали некоторое добродушие. Звали его Друри; он был в то время офицер-стрелок. Всадники, сопровождавшие этих двух господ, принадлежали тоже к стрелкам и были соответственно одеты и вооружены.

Из предыдущего известно, что Марию Стюарт препроводили в замок Тильбери. До тех пор королева Шотландии хотя и находилась под строгим надзором, но последний поручался дворянам высокого звания, которые выполняли свой долг с вежливостью и почтительностью в отношении заключенной.

Граф Шрусбери был гуманный, участливый господин. Ральф Садлер и сэр Сомерс, под надзор которых теперь была отдана Мария в Тильбери, были хотя и более склонны к строгости, чем он, но всегда почтительны, и не шли далее того, что было приказано. Но и этому настал конец. Надзор за Марией должен был быть поручен таким людям, которые в ней не видели бы ничего, кроме узницы самого плохого сорта, женщины преступной, ненормальной, злокозненной, государственной преступницы, обличенной убийцы, словом, женщины-дьявола, за которой нужно зорко следить и поступать с нею сообразно ее проступкам. Такого надзирателя предполагалось найти в лице Эмиаса Полэта, и действительно в выборе не ошиблись. Помощника Друри рыцарь взял по собственному выбору.

Полэт несколько раз поднимал голову и устремлял свой мрачный взор в пространство, чтобы сквозь метелицу разглядеть очертания видневшегося вдалеке замка. Друри делал то же, и оба продолжали свой путь молча. Воспользовавшись моментом, когда воздух несколько просветлел, Друри ясно рассмотрел старый замок и невольно вздохнул.

– Вам не нравится тут? – резко спросил Полэт.

– Что? Дорога, снег или старое здание? – спросил Друри вместо ответа на вопрос.

– Ну, снег и неудобство пути не должны производить впечатление на солдата, – заметил рыцарь. – Я имел в виду вот тот старый замок.

– Откровенно говоря, я желал бы лучше попасть туда, куда, вероятно, желала бы переместиться и обительница этого, с позволения сказать, замка.

Полэт перекрестился, и черты его лица приняли выражение фанатического благочестия, делавшего и без того непривлекательное лицо Эмиаса прямо отвратительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.